

ТЗ(2М)
Б 80

Б.Г.Бомешко

Засу́жа

и то́лоя

в Молда́вии

1946-1947гг.

АКАДЕМИЯ НАУК ССР МОЛДОВА
Институт истории им. Я. С. Гросула

Б. Г. Бомешко

ЗАСУХА И ГОЛОД В МОЛДАВИИ 1946—1947 гг.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
И. М. Волков

*Уважаемый
Сергей Кузьменко
не забудьте пометку
от автора*

КИШИНЕВ «ИСТИИНЦА» 1990

На основе широкой документальной базы, бо́льшая часть которой впервые привлекается к исследованию, рассматривается одна из самых драматических страниц в послевоенной истории Молдавской ССР — засуха и голод 1946—1947 гг. Анализируются не только истоки трагедии, но и причины, ее усугубившие, раскрываются ошибки, просчеты и злоупотребления, имевшие место в тот период. Дается картина невероятных человеческих страданий во время голода (дистрофия, смертность от недоедания и др.), показывается размах работы, проводимой в республике по спасению людей от голода и болезней, ликвидации последствий засухи.

Для широкого круга читателей.

*Утверждено к изданию Ученым советом
Института истории
им. Я. С. Гросула АН ССРМ*

0503020909—139
Б М 755(10)—90 „Изд. нов.“, №29—7—89

ISBN 5-376-00846-0

© Б. Г. Бомешко,
1990 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Начало восстановления	4
Засуха и неурожай	14
Голод	26
Выход из голодного кризиса	44

НАЧАЛО ВОССТАНОВЛЕНИЯ

Суровым испытанием на прочность для советского народа стала Великая Отечественная война — самая жестокая и разрушительная из всех войн в истории нашей Родины. Нападение фашистской Германии в грозном 1941 г. прервало мирный созидательный труд советских людей. Военные действия, временная оккупация части территории, варварство и зверства фашистов повлекли за собой неисчислимые человеческие жертвы, огромный экономический ущерб. По данным Чрезвычайной Государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, в стране полностью или частично было разрушено 1710 городов и более 70 тыс. сел и деревень. Оккупанты сожгли и разорили более 6 млн. зданий и лишили крова свыше 25 млн. человек, нанесли тяжелые раны крупнейшим промышленным и культурным центрам нашей страны. За годы войны было уничтожено 31 850 промышленных предприятий, рассчитанных на 4 млн. работающих, 65 тыс. км железнодорожных путей, 4100 железнодорожных станций. Колоссальные потери понесло сельское хозяйство. Разорению и разграблению подверглись 98 тыс. колхозов, 1876 совхозов, 2890 МТС. Были ликвидированы сотни тысяч социально-культурных и коммунально-бытовых учреждений и предприятий. В общей сложности за четыре военных года Советский Союз потерял около 30% национального богатства и 20 млн. человеческих жизней.

В Молдавии прямой ущерб народному хозяйству составил 11 млрд. руб. Было разрушено 1037 промышленно-производственных объектов, 613 школ, 180 больниц, поликлиник, амбулаторий, 45% жилого фонда местных Советов. Уничтожено 200 тыс. га посевов и 30 тыс. га садов и виноградников, большинство зданий МТС и МТМ, мастерских

колхозов и совхозов. Оккупанты вывезли из республики оборудование множества фабрик и заводов, 1285 тракторов, комбайнов и автомашин, 4768 сельскохозяйственных машин, 31 808 единиц различного сельхозинвентаря, сотни тысяч тонн сельскохозяйственной продукции, около 500 тыс. голов скота. Но самыми трагическими явились людские потери. В республике погибли 64 тыс. и угнаны в фашистское рабство 49 тыс. человек.

Основательно разграбив республику, оккупанты сильно подорвали экономику, материально-техническую базу как социалистического аграрного сектора, так и индивидуальных крестьянских хозяйств. Значительный урон был нанесен колхозам: их усадьбы подверглись разрушению либо полному уничтожению. Мощные тракторы отечественного производства оккупанты вывезли, а те, что остались, преимущественно иностранных марок, оказались выведенными из строя и к использованию не пригодными. В августе 1944 г. в левобережных районах насчитывалось всего 69,4 условных трактора, или 8,4% довоенного их количества, а в правобережных — соответственно 114 условных тракторов, или 8%.

В сложном положении в первые послевоенные годы оказались индивидуальные крестьянские хозяйства. Почти 4/5 всех дворов имели наделы до 5 га, четверть хозяйств — только по 2 га земли. Оккупация привела к появлению прослойки и вовсе безземельных крестьян. В результате в 1944 г. бедняцко-батрацкий слой деревни вырос на 10% по сравнению с 1940 г. Две трети крестьянских дворов не располагали тягловой силой, более чем у половины не было коров, коз, овец, у четвертой части скот вообще отсутствовал. Во всех хозяйствах остро ощущался недостаток сельхозинвентаря. После освобождения республики в среднем на 100 крестьянских хозяйств остались 31 плуг, 25 борон, 5 культиваторов и 0,6 сеялки. На один плуг приходилось 13,5 га пашни, борону — 17 га, культиватор — 85 га и сеялку — 714 га. В южных районах республики эти показатели были еще ниже. Так, в Кагульском уезде 43 тыс. крестьянских хозяйств имели только 175 сеялок, чуть более 10 тыс. голов тягловой силы, т. е. на одну голову приходилось по 20—25 га пахотной земли. Сами орудия отличались крайней примитивностью: плуги не имели установки на

углубление вспашки, бороны были в основном деревянные, облегченные. Не имея в большинстве своем рабочего и продуктивного скота, единоличники оказались практически не способными к самостоятельной хозяйственной деятельности.

Вне сомнения, Молдавия, как и другие подвергшиеся оккупации советские республики, не смогла бы собственными силами быстро ликвидировать последствия войны, возродить экономику и культуру. Но Советский Союз в целом, несмотря на жертвы и разрушения, обладал такой экономической базой, которая позволила ему за счет перераспределения материальных ресурсов, ценой лишений и величайшего напряжения всех сил в сравнительно короткие сроки выйти из кризиса. Возрождение пострадавших от фашистской оккупации республик и областей осуществлялось путем общегосударственной централизованной правительственной помощи, перераспределения средств государственного бюджета в пользу нуждающихся регионов, увеличения дотаций на материально-техническое снабжение из общественных фондов. Мощным фактором стало всенародное движение по оказанию помощи пострадавшим.

В 1944—1945 гг. Советское правительство выделило к бюджету МССР 448 млн. руб. дотаций, что составило 60% общей суммы бюджета республики за этот период. Для восстановления промышленности и сельского хозяйства Молдавия получила поистине всенародную помощь. В ее адрес отправлялись тысячи голов скота, в значительных количествах поступали оборудование, строительные материалы, тракторы и сельхозмашины, топливо, минеральные удобрения, различные материалы.

Товары производственного назначения для сельского хозяйства шли из городов России, Украины, Грузии, Азербайджана и других союзных республик в основном через Молдсельхозснаб, Молдавскую контору Глававтотракторсбыта, систему Молдавпотребсоюза. За 1944—1946 гг. только через Молдсельхозснаб республика получила различных товаров индустриального производства на общую сумму 16,5 млн. руб., в том числе сельхозмашин (без тракторов и комбайнов) — на 3,8 млн. руб., транспортных средств — на 6,2 млн. руб., оборудования и инструментов — на 3,7 млн. руб. Помощь, поступающая из братских

республик, в решающей степени способствовала быстрому восстановлению материально-технической базы сельского хозяйства Молдавской ССР, ускорению социально-экономического развития ее правобережных районов.

С первых дней освобождения республики максимальное внимание уделялось восстановлению МТС — индустриальной основы сельского хозяйства левобережных районов и социалистического переустройства единоличных крестьянских хозяйств Правобережья. К октябрю 1944 г. благодаря братской помощи народов всей страны вошли в строй МТС первой очереди (восемь — в левобережных районах и 20 — в трех уездах Правобережья). Начали действовать также 15 мастерских текущего и две — капитального ремонта. К началу 1946 г. в Молдавии насчитывалось уже 68 станций, более чем вдвое возросли число тракторов и их мощность. Однако лишь менее 1/5 тракторов были новыми, выпущенными промышленностью в 1944—1945 гг. Преобладающая часть тракторного парка МТС состояла из машин, переброшенных из восточных регионов страны, а также возвращенных из Румынии, куда их вывезли оккупанты. Все возвращенные тракторы и сельхозмашины требовали восстановления, капитального и текущего ремонта до пуска их в эксплуатацию. При этом на станциях отсутствовали надлежащие хозяйственные постройки, нефтетара, остро ощущалась нехватка механизаторов и многих других специалистов.

На начало 1946 г. удельный вес тракторного парка в общем объеме тягловой силы в целом по республике составил 10,1%, в том числе в левобережных районах — 55,1%, в правобережных — 2,1%. На одну лошадиную силу в среднем приходилось по республике 10,1 га посевной площади, в том числе в Левобережье — 5,4 га, в Правобережье — 11,2 га, что было в пять раз ниже уровня развития сельского хозяйства Правобережья, достигнутого к июню 1941 г., и соответствовало показателям 1928 г.

В 1945 г. МТС обработали 326,6 тыс. га земли, причем преимущественно в колхозах левобережных районов (90%). В Правобережье 54 МТС обслуживали десятки тысяч мелких единоличных крестьянских хозяйств, имевших незначительные участки земли в каждом поле. Размеры и организационно-хозяйственная структура таких хозяйств делали применение современной техники нерентабельным. Мощные тракто-

ры, поступающие с заводов страны в МТС Правобережья, не могли использоваться в полной мере. В результате резко снижалась производительность тракторного парка, увеличивались накладные расходы и себестоимость работ. Деятельность станций обходилась государству очень дорого, а эффективность их работы была крайне низкой.

Тем не менее правобережные МТС все же сумели в 1944—1945 гг. провести сельскохозяйственные работы в 132 тыс. бестягловых крестьянских хозяйств. Весной 1946 г. была оказана помощь еще 16 тыс. дворов. В целом за первый послевоенный год станции выполнили в единоличном секторе немногим более 1% от общего объема полевых работ. Правда, при этом они оказывали помощь крестьянам в ремонте сельхозинвентаря, совершенствовании агротехники, обмолоте хлеба и т. д.

Сразу же после освобождения Молдавии от оккупантов началось восстановление коллективных хозяйств в республике. В Рыбницком и Каменском районах колхозная деятельность возобновилась уже в апреле 1944 г., в остальных районах Левобережья — лишь в сентябре, после окончания военных действий. К концу года здесь действовало 227 колхозов.

В Правобережье колхозное строительство в 1944—1945 гг. не осуществлялось, хотя крестьяне с. Гура-Кайнары Флорештского района, Бравичены Оргеевского района и других обращались в партийные и советские органы с просьбами о восстановлении ранее существовавших колхозов. Однако с их мнением в то время не посчитались. И лишь после VII Пленума ЦК КП(б)М (март 1946 г.), принявшего решение о поддержке инициативы бедняцких и середняцких хозяйств по организации сельхозартелей, оказании им необходимой помощи, начали восстанавливаться и создаваться коллективные хозяйства на правом берегу Днестра. Весной 1946 г. среди первых возобновили свою деятельность колхозы в с. Мырзешты Вертюжанского района и Паланка Згурицкого района. К концу года к ним добавились еще 43 колхоза, вновь образовались 48 коллективных хозяйств в селах, не имевших их до войны. Однако квалифицированная хозяйственная деятельность в большинстве правобережных колхозов практически не велась.

Преодолевая имевшиеся трудности, левобережные колхозы уже в 1945 г. освоили 4/5 посевных площадей довоенного времени. При

этом 80% работ выполнялось силами МТС. Колхозы были в основном обеспечены сельхозмашинами, орудиями, рабочим скотом.

Менялось положение и в колхозном животноводстве. В 1945 г. заметно увеличилось поголовье скота. Правда, следует заметить, что его рост произошел не за счет собственного воспроизводства, а главным образом в результате возвращения эвакуированного стада и закупки скота. В 1946 г., несмотря на засуху, колхозам удалось не только сохранить все поголовье скота, но и увеличить его (за исключением лошадей). Вместе с тем продуктивность животноводства по-прежнему оставалась низкой, хотя и возросла по сравнению с предыдущим годом. Средний удой на корову составил 555 л против 189 л в 1945 г. Из общего объема произведенных мясопродуктов в 1946 г. было сдано государству 8,2%, продано на колхозном рынке — 57,1%, выдано колхозникам и реализовано в общественном питании — 31,6%.

К зимовке скота 1946—1947 гг. колхозы не смогли заготовить достаточного количества кормов. К началу 1947 г. обеспеченность грубыми кормами и концентратами соответствовала лишь половине нормы, сочными — менее чем трети нормы.

За счет возвращения демобилизованных из рядов Красной Армии и эвакуированных значительно возросли общее количество трудоспособных и средняя выработка трудодней на одного колхозника. В целом же трудовые ресурсы использовались нерационально, недостатки в организации хозяйственной деятельности колхозов отрицательно сказывались на производительности и качестве труда, трудовая дисциплина оставалась на низком уровне. Только за один 1946 г. по указанным причинам в колхозах не было выработано около 2 млн. трудодней, или 15% их общего количества.

Тем не менее, несмотря на трудности, экономика колхозов начала восстанавливаться. Это происходило в основном за счет расширения общественного хозяйства, а также повышения рыночных цен. Характерно, что основная доля дохода в рассматриваемые годы поступала не от продажи сельскохозяйственной продукции государству по низким заготовительным ценам, а от ее реализации на колхозном рынке. Удельный вес данной статьи доходов колхозов постоянно повышался и в 1946 г. составлял уже около 80% их общего объема. Возрастали

и доходы отдельных колхозов. Если в 1945 г. лишь десятая часть коллективного сектора имела доход свыше трети миллиона, то в следующем году таких хозяйств было уже почти 50%, в том числе 10 хозяйств-миллионеров.

В 1946 г. почти половина денежных доходов колхозов выделялась на оплату трудодней. Оплата одного трудодня составила 2,14 руб. — почти вдвое больше, чем в 1945 г.

Климатическая ситуация 1946 г. отрицательно сказалась на результатах деятельности колхозов. Неблагоприятные метеоусловия в сочетании с невысоким уровнем агротехники привели к гибели значительных площадей сельскохозяйственных угодий. В результате в 1946 г. был получен очень низкий урожай зерна, из которого 27,7% колхозы сдали государству в виде обязательных поставок и натуральной оплаты за работу МТС, а 22,4% предназначалось к выдаче на трудодни. Вследствие неурожая количество полученного колхозниками в 1945—1946 гг. зерна сократилось по сравнению с 1944 г. почти вдвое и составило всего лишь около полукилограмма, картофеля и подсолнечника — еще меньше, считанные граммы.

Среди колхозников росло число нуждающихся. Так, в Дубоссарском районе их насчитывалось свыше 6 тыс., в Рыбницком — 4,5, в Слободзейском — 2,5, в Григориопольском — 2,1 тыс. человек. Положение усугублялось отсутствием у многих колхозников домашнего скота. В Дубоссарском районе таких хозяйств было 70%, и поэтому быстро увеличивалось число заявлений с просьбами о помощи хлебом. Определенные средства нуждающимся колхозы изыскивали из внутренних резервов. В частности, за работы по подъему зяби, обвалованию, в животноводстве было отпущено по 30 т. хлеба, в садах и виноградниках — 20 т, по индивидуальным заявкам — 14 т. Однако этих средств явно не хватало. Многие в поисках выхода из создавшейся ситуации оставляли работу в колхозах и уходили на заработки в различные области Украины.

Нелегко приходилось и индивидуальным крестьянским хозяйствам, которые владели почти 90% всей посевной площади края. По преимуществу мелкие, к тому же сильно пострадавшие от оккупации, они создавали большие трудности в возрождении аграрного сектора республики. Поэтому для подъема народного хозяйства требовалось в

первую очередь восстановить действие советского закона о национализации земли. Уже в год освобождения республики крестьянам было возвращено около 100 тыс. га земель, отнятых у них в период оккупации. В целом же в результате восстановления и реализации советского земельного законодательства более 140 тыс. крестьянских хозяйств получили от государства в бесплатное пользование свыше 245 тыс. га угодий.

Крестьянам оказывалась помощь в освоении и обработке полученных земельных наделов. В 1944—1945 гг. на восстановление разрушенного сельского хозяйства республики были выделены 21 тыс. т зерновой ссуды, более 75 тыс. голов скота, а также 10 млн. руб. кредита для его приобретения. В первую очередь оказывалась помощь семьям фронтовиков, демобилизованных воинов, инвалидов войны. Бывшие безземельные хозяйства освобождались от обязательных поставок государству зерна, подсолнечника, картофеля. Полностью или частично не подлежали налогообложению до половины крестьянских хозяйств республики.

Несмотря на сложные обстоятельства восстановительного периода, посевная площадь республики выросла в 1945 г. по сравнению с предыдущим годом почти на 500 тыс. га, превысив 90% довоенного уровня, а по ряду культур даже превзошла размеры посевов 1940 г. Однако крестьянские хозяйства получили низкий урожай. Этому способствовали неблагоприятные климатические условия и тот факт, что большинство крестьян вело хозяйство на довольно примитивном уровне, проводя основные работы преимущественно вручную. Предпосевную обработку земли осуществляли в основном сапой, убирали колосовые культуры косами и серпами, обмолачивали урожай цепями, катками и другими ручными средствами. В Кагульском уезде крестьяне широко применяли самодельные «бороны» в виде плетня из хвороста. Таким образом, ведение крестьянского хозяйства сопровождалось невероятной растратой человеческих сил и труда, особенно бедняков. Применять производственные новшества, внедрять научные приемы земледелия и скотоводства мелкие хозяйства, лишенные тягловой силы и вооруженные рутинной техникой, не могли. В условиях Молдавии с присущими ей частыми засухами такие хозяйства не имели возможности получать значительный, устойчивый урожай.

Заметно осложнили положение крестьянства и установленные без учета засухи, довольно обременительные для середняцких и бедняцких хозяйств нормы обязательных поставок сельхозпродукции государству. На 1 га посевов зерновых размер поставок составлял в среднем 1,5 ц зерна. В целом государству было сдано в 1945 г. свыше четверти собранного урожая, после чего в республике осталось чуть более 700 тыс. т зерна. Имевшейся в индивидуальных хозяйствах части урожая не хватало для обеспечения минимума потребностей многих крестьянских семей, что негативно сказывалось на развитии деревни. Однако руководство республики не проявляло особой тревоги по поводу происходившего. Лишь осенью 1945 г. оно обратилось в союзное правительство с просьбой освободить республику от заготовок (по овощам) и помочь населению края из государственных фондов картофелем и овощами в количестве соответственно 7 и 8 тыс. т. К тому же в 1945 г., как и в предыдущем, имели место грубые нарушения в ходе заготовительной кампании: недоучет земель; недообложение зажиточной части села и, наоборот, произвольное приписывание земель отдельным хозяйствам; принудительное изъятие хлеба, зачастую под видом добровольной сдачи; отказ предоставить ряду хозяйств установленные законом льготы и т. д.

В первый послевоенный год подготовка и проведение весеннего сева прошли более организованно, чем в 1945 г. План ярового сева в республике был перевыполнен. Вместе с тем необходимо отметить, что в индивидуальных крестьянских наделах существовала чересполосица, одно и то же поле засевалось всеми видами яровых и озимых культур и подготавливались пары. При подобной системе землепользования исключалась возможность даже трехпольного севооборота, использования незасаемых земель для выпаса скота, создавались благоприятные условия для широкого распространения сорняков, сельскохозяйственных вредителей и болезней растений.

В республике по существу совершенно отсутствовали семена кормовых культур, овощей и картофеля. Незначительные площади посевов этих культур в 1945 г. в результате засушливого лета дали низкий урожай или вовсе погибли. В связи с неурожаем 1945 г. и хлебозаготовками, проведенными без учета климатических условий того года, многие крестьянские хозяйства не смогли полностью обес-

печить себя собственными семенами для весеннего сева 1946 г. Особенно это касалось бедняцких крестьянских хозяйств, впервые получивших землю в 1945 г. и имевших небольшие площади посевов зерновых культур. Около 20 тыс. крестьянских хозяйств из-за отсутствия семян вообще не проводили посевов озимых под урожай 1946 г. В результате засухи и недорода в 1946 г. около 320 тыс. га посевов зерновых и бобовых культур погибло, на остальной площади был получен ничтожно малый урожай.

ЗАСУХА И НЕУРОЖАЙ

Начавшись в мае 1945 г. в Молдавии, небывалая за предыдущие 50 лет засуха охватила в 1946 г. большинство районов Украины, области Центрального Черноземья, Нижнего Поволжья, Приморский край, некоторые области центра. По своим масштабам и остроте она превосходила засуху 1921 г. и приближалась к стихийному бедствию 1891 г. Засуха осложнила работу по налаживанию мирной жизни, восстановлению сельского хозяйства.

Засухи в республике — явление не редкое. Молдавия расположена в климатической зоне недостаточного увлажнения. По многолетним данным, среднегодовое количество осадков составляет от 350 мм в южных до 500 мм в северных районах республики, что является вполне достаточным для получения высоких урожаев. Но из-за высоких летних температур и относительно низкой влажности воздуха, приводящей иногда к суховеям, растения часто страдают от недостатка влаги в почве. Многолетние метеорологические наблюдения показали, что за период с 1854 по 1946 г. было 33 засушливых года из 93, причем 16 — очень засушливых с недобором осадков от 80 до 200 мм против нормы. За 29 лет наблюдений — с 1918 по 1946 г. — по Тирасполю выявлено девять засушливых лет.

Надо отметить, что годы с большим недобором осадков нередко следовали один за другим и в смене их не усматривается закономерности. Так, за период с 1850 по 1860 г. засушливыми были 1856, 1857, 1858 и 1859; с 1860 по 1870 — 1862, 1863, 1864 и 1869; с 1900 по 1910 — 1902, 1903 и 1904; с 1920 по 1930 — 1920, 1921, 1924 и 1928. В каждом десятилетии отмечалось от двух до четырех засушливых лет.

Засушливая погода в республике установилась с осени 1944 г. В сентябре-ноябре осадков выпало в пределах 35% среднемесячных норм. Зимние и весенние осадки, количество которых приближалось к многолетней норме, несколько поправили положение с влагой в почве для озимых посевов. Однако холодная и затяжная весна 1945 г. была неблагоприятна для ярового сева и развития всходов. Осадков в период весеннего сева выпало на 30—50% больше обычного при средней температуре на 1—3° ниже нормы (в апреле отмечено шесть дней с заморозками до -5°).

Затем установилась сухая и жаркая погода почти без осадков, сильно ослабившая развитие посевов. Температура в июне доходила до 27—31° в северных районах и до 30—38° — в южных. Всего за 1945 г. количество осадков в районе Кишинева не превысило 70% нормы, Бельц — 83%, по Слободзейскому району — 40% (здесь в течение 72 дней после весеннего сева не прошло ни одного дождя).

Вследствие нехватки влаги в почве озимые посевы 1945 г. к началу холодов не успели войти в силу. В зимний период выпало крайне мало осадков, да и те из-за отсутствия снежного покрова вымерзли, и запасы влаги в почве оказались крайне ограниченными. Их хватило лишь для прорастания семян и начальной фазы развития растений. Неблагоприятная метеобстановка осени 1945 и зимы 1946 г. не улучшилась и весной: с марта по май выпало менее 1/5 нормы осадков. Положение усугубилось повышением температуры и сильными ветрами. Так, в мае отмечено 15 дней, когда жара держалась выше 30°, достигая в отдельные дни 38° в воздухе и 65° — на поверхности почвы. Среднесуточная температура составила 30,5°. В результате часть посевов погибла, уже в конце мая озимая пшеница находилась в стадии цветения, рожь прошла эту стадию, яровые выколосились, растения преждевременно приобрели соломенный цвет, т. е. наступила их гибель. Выпавшие в июне дожди уже не могли помочь колосовым, так как развитие растений закончилось.

Нельзя сказать, что правительство республики бездействовало в сложившейся ситуации. Так, весной 1946 г. им были приняты меры, направленные на спасение полевых культур от засухи. Однако из-за отсутствия необходимого инвентаря (плугов с предплужниками, зерновых и кукурузных сеялок, культиваторов и др.) большая часть

крестьянских хозяйств не могла противопоставить засухе необходимую агротехнику и оказалась совершенно безоружной в борьбе со стихией. Маломощные, слабо оснащенные МТС практически не способны были помочь крестьянским хозяйствам при вспашке, посеве и дальнейшей обработке почвы.

Все это привело к гибели значительных площадей однолетних культур, резкому снижению урожайности многолетних насаждений. Пострадали даже такие засухоустойчивые растения, как виноград и орех. Вредное воздействие столь сильной засухи сказывалось и в последующие годы, особенно на многолетних культурах.

В наибольшей мере оказались уязвимыми центральные и южные районы республики, где погибли почти все однолетние растения, а на оставшихся полувывгоревших полях крестьяне порой собирали меньше зерна, чем использовали для посева. Например, в Кагульском уезде яровые зерновые выгорели, достигнув высоты 15—20 см. Кукуруза, хотя и дала незначительный рост, но совершенно не завязала початков. Ее посевы, составлявшие здесь в 1946 г. около половины всей посевной площади, погибли на 78%, в том числе в Тараклийском районе — на 91%, Вулканештском — на 98%. В Кишиневском уезде урожайность в крестьянских хозяйствах в 1946 г. составила по зерновым 1,3 ц по сравнению с 4,7 ц в 1945 г., по подсолнечнику — соответственно 1,4 и 5,5 ц, картофелю — 0,6 и 9,7 ц. В Бендерском уезде урожайность зерновых и бобовых составила 30—75 кг с га.

Недород, а в ряде районов и полная гибель однолетних сельскохозяйственных культур явились следствием засухи, а также низких агротехники и культуры земледелия на полях республики. В то же время передовые колхозы, бригады, звенья и отдельные крестьянские хозяйства в условиях сильно засушливого года, применяя необходимый комплекс агротехнических мероприятий, получали урожай в четыре-пять раз выше, чем у окружающих хозяйств.

Крестьянин с. Курешница Сорокского района С. Ревенко получил подсолнечника 22 ц с га (в среднем по сельсовету — 4 ц). И. Чунту из с. Голошница того же района собрал урожай кукурузы по 27,5 ц с га (в среднем по сельсовету — 2,1 ц). В Глодянском районе И. Мельник из с. Николаевка получил по 12 ц подсолнечника

с га, К. Дровенький из с. Новые Обрежи — 18 ц кукурузы. В. Романюк из с. Данул — 9,5 ц озимой пшеницы. В с. Унтрешты Фалештского района М. Данишевич собрал по 12 ц озимой пшеницы, Н. Чернявский — по 15 ц кукурузы. И. Портореску из с. Требужены Сусленского района получил по 19 ц кукурузы и 14 ц подсолнечника с га, В. Орган из с. Алексеевка Братушанского района — по 11 ц озимой пшеницы, Ф. Калинич из с. Крива Липканского района — по 24,5 ц ячменя, Г. Раду из с. Скуляны — по 22 ц кукурузы.

Более высокие урожаи, чем в крестьянских хозяйствах, в тех же суровых условиях засухи получили коллективные хозяйства Молдавии. Лучшая материально-техническая оснащенность позволила некоторым передовым колхозам собирать по 10—12 ц зерновых с га. В колхозах «Большевик» и им. М. В. Фрунзе Каменского района урожайность достигла 14 ц кукурузы с га, а в среднем по району — 8 ц. В Рыбницком районе в колхозе им. Г. И. Петровского урожайность озимой пшеницы составила 18 ц на площади 303 га, в колхозе им. И. В. Сталина — 16,5 ц на 80 га, в колхозах «Красный Октябрь» и им. А. И. Микояна — по 10 ц на 500—700 га. Звено М. Унтуры из колхоза им. М. В. Фрунзе Каменского района получило по 23 ц хлеба с га, а звено М. Драганюк из колхоза им. Г. И. Котовского того же района — по 10 ц подсолнечника. В колхозе «Красный садовод» Тираспольского района собрали по 68 ц плодов с 55 га садов, а в бригаде И. Кабака из колхоза им. Г. И. Котовского Каменского района — по 70 ц с га. В целом на колхозных полях урожайность колосовых составила 3,56 ц с га, что почти на 2/3 выше, чем в среднем по индивидуальным хозяйствам.

Валовой сбор зерновых в республике в 1946 г. составил всего лишь 365 тыс. т, или в 2,5 раза меньше, чем в 1945 г., и в 5 раз меньше, чем в 1940 г.

Засуха сильно отразилась и на таких отраслях сельского хозяйства, как виноградарство и плодоводство. Половина площадей винограда в 1946 г. совсем не плодоносила, на остальной площади урожайность не превышала 1—1,5 ц с га. Большое количество растений погибло, что усилило изреженность виноградников и садов. В Оргеевском, Кишиневском, Бендерском и Кагульском уездах последняя увеличилась в 1946 г. на 10—25%.

В бедственном положении оказалось и животноводство республики. Из-за недостатка зеленого корма и воды с начала 1946 г. бедняцко-середняцкие хозяйства начали сокращать поголовье скота. После окончания полевых работ наблюдались массовый убой и продажа скота, особенно тягловой силы. Правительство предприняло административные меры против ликвидации производственной базы сельского хозяйства. За убой скота штрафовали и даже привлекали к судебной ответственности. Так, в Кишиневском уезде было составлено 776 актов на уплату штрафов. Проводилась разъяснительная работа среди крестьян по созданию кормовой базы из дополнительных источников (курай, камыш, веточный корм, листья, желуди, виноградные выжимки и др.). Такие корма в некоторой степени смягчали крайне дефицитный кормовой баланс крестьянских хозяйств, однако их было недостаточно для содержания скота в стойловый период. В Кишиневском уезде количество кормов достигало только 60% нормы. В Сорокском уезде к началу стойлового периода заготовили грубых кормов 48,5% к норме и сочных — 7%. В результате за 1946 и первую половину следующего года в единоличных крестьянских хозяйствах республики поголовье крупного рогатого скота сократилось на 41,2%, свиней — на 89,9%, овец — на 47,4%, лошадей — на 60,4%.

Неурожаи 1945—1946 гг., вызванные неблагоприятными метеорологическими условиями, не были бы столь губительными, если бы не являлись прямым следствием оккупации и разрушительной войны, упадка производительных сил, ухудшения обработки почвы, сокращения поголовья скота и использования удобрений, массового употребления низкосортных семян и т. д. Все это усугубляло и без того тяжелое экономическое положение крестьянства республики.

При анализе экономической ситуации того периода нельзя обойти стороной вопрос о хлебозаготовках 1946 г. Государственные поставки, рассчитанные на среднестатистический урожай, были запланированы в объеме 265 тыс. т. Однако с учетом создавшейся в республике сложной ситуации, когда в июле и тем более в августе стало ясно, что большая часть площадей ранних и поздних культур погибла, а оставшаяся часть дала незначительный урожай, план хлебозаготовок оказался невыполнимым. Он составлял почти $\frac{3}{4}$ уро-

жая и поэтому требовал значительной 'корректировки. Но руководство республики, зная ситуацию, возможно, даже не представляло в центральные органы правдивой информации о состоянии сельского хозяйства и не поднимало вопрос об уменьшении плана заготовок.

Вместе с тем следует отметить, что партийные и советские органы на местах в основном реально оценивали сложившуюся ситуацию и неоднократно выступали с предложениями об уменьшении объемов госпоставок. На июльском пленуме ЦК КП(б)М первый секретарь Оргеевского укома партии М. Н. Кузнецов потребовал снятия 2 тыс. т с плана заготовок уезда. Его поддержал и первый секретарь Конгазского райкома партии А. Н. Рассохин. Однако это вызвало резкую реакцию секретаря ЦК КП(б)М Н. Л. Салогора, расценившего подобные выступления как антипартийные и антигосударственные. Он предупредил ораторов о том, что, возможно, будет поставлен вопрос о пребывании их в должностях.

Архивные источники, к сожалению, пока не позволяют точно сказать, обращалось ли руководство республики в центральные органы по поводу снижения плана хлебозаготовок и оказания помощи населению, пострадавшему от засухи. Тем не менее в августе 1946 г. правительством СССР принимаются два взаимосвязанных решения: первое — о снижении плана хлебозаготовок по Молдавии до 71 тыс. т, в 3,7 раза (19,5% от общего валового сбора зерна), второе — об оказании зерновой помощи республике в объеме 71 тыс. т, в том числе 24 тыс. т. продовольственной и 47 тыс. т. семенной ссуды. Предполагалось собранный по поставкам хлеб реализовать на месте в виде государственной помощи.

Следует пояснить, что хлебозаготовки 1946 г. должны были носить «классовый» характер. Основную нагрузку предписывалось возложить на кулацко-зажиточный слой с целью изъятия у него излишков хлеба для спасения неимущих масс молдавской деревни от голодной смерти. От обязательных поставок освобождались бедняцкие и частично середняцкие хозяйства, составлявшие большую часть сельского населения. Так, в Кишиневском уезде хозяйства, полностью или частично освобожденные от хлебопоставок, составляли 86% их общего количества. В Бендерском уезде, как свидетельствуют доку-

менты, на кулацко-зажиточную часть села приходилось 78% (2875 т) общего объема заготовок 1946 г.

Однако очевидная размытость критериев в определении кулацко-зажиточных хозяйств порождала многочисленные злоупотребления в ходе заготовительной кампании. Это был вынужден признать в 1947 г. и ЦК КП(б)М, отмечая, что «при проведении хлебозаготовок прошлого года советские, партийные, заготовительные органы ряда районов допустили серьезные недостатки в работе, выразившиеся в недооценке организационной и массово-политической работы среди крестьян, часто подменяли массово-политическую работу администрированием и допускали серьезные нарушения революционной законности».

В Бендерском уезде в ходе заготовок создалось тяжелое положение. Вследствие недорода, а также определенного воздействия провокационных слухов, утверждающих, будто большевики не вечны, скоро придут англичане и Советы уйдут, прихватив с собой хлеб, крестьяне не сдавали зерно государству, зачастую зарывали его в ямы, прятали на чердаках. Убедившись в том, что хлеб убран и обмолочен, а на заготпункты поступает плохо, уком партии направил в села около 200 уполномоченных для обеспечения заготовок. Недооценивая сложность ситуации, создавшейся в уезде, они нередко проводили обыски, сажали крестьян в подвалы, учиняли им допросы.

Нарушался порядок доведения плана поставок до каждого села, каждого крестьянского хозяйства. По действовавшему тогда законодательству семьям погибших и инвалидов Великой Отечественной войны, беднякам и малоимущим середнякам, лишенным дополнительных источников доходов (т. е. не имеющим садов, виноградников, огородов, не содержащим домашних животных и т. д.), должны были предоставляться льготы и скидки по хлебозаготовкам. Однако во многих случаях положения закона не соблюдались, льготами пользовались хозяйства, не имевшие на это прав. Так, в Леовском районе 2/3 хозяйств из зажиточной группы оказались частично или полностью освобожденными от заготовок. В Вадул-луй-Водском районе большинство крупных кулацких хозяйств получило льготы, а в с. Крузешты их вообще не коснулись заготовки. В ряде районов списки по предоставлению льгот и скидок не обсуждались не только

на собраниях бедноты, но и на заседаниях сельсоветов. Бесконтрольность последних в работе по составлению списков способствовала многочисленным злоупотреблениям. Так, в с. Мерешты Котовского района кулак М. Тутрейко, владевший 10 га земли (и столько же у него было отрезано ранее), получил освобождение от заготовок, а семья погибшего на войне В. Брынзы, насчитывающая семь малолетних детей, никакими льготами не пользовалась. В с. Зембрены более половины бедняцких хозяйств не были освобождены от хлебопоставок.

В ряде районов республики размеры заготовок зачастую не соответствовали реально полученному урожаю. Чтобы рассчитаться по госпоставкам, крестьянам приходилось распродавать по дешевым ценам скот, ковры, другое имущество и покупать зерно. Так, в Дрокиевском районе в августе—октябре 1946 г. в период массовой продажи скота корова на рынке стоила 1—2 тыс. руб., лошадь — 100—150 руб., овца — 200—300 руб. В то же время цена килограмма кукурузы доходила до 80 руб., картофеля — 30 руб. Практически, за несколько килограммов кукурузы можно было приобрести лошадь или овцу.

В то же время часть кулацких хозяйств скрывала запасы хлеба. Так, осенью 1946 г. в Конгасском районе 120 кулаков были уличены в сокрытии хлеба. У одного из них, жителя с. Кирютня, обнаружено 8 т зерна, у четверых кулаков с. Твардица Чадыр-Лунгского района — 27 т. Располагая запасами хлеба, кулаки, не стесняясь, наживались на бедственном положении крестьян. Так, кулак Л. Морарь в с. Самашканы Распопенского района в 1946—1947 гг. за мизерную плату скупал у крестьян дома, ковры и другое имущество. Кулак П. Чеботарь из с. Старая Реча Бельцкого уезда весной 1947 г. за 10 кг кукурузы приобрел у вдовы Т. Паскарь пару хромовых сапог, гардероб и требовал еще 300 руб. В с. Флорешты Сорокского района кулак за 9 кг хлеба забрал у бедняка пальто и костюм.

В республиканские органы поступали многочисленные сигналы о тяжелом положении крестьянских масс в связи с засухой, просьбы о снижении планов хлебозаготовок. Однако на пленуме ЦК КП(б)М в октябре 1946 г. Председатель Совета Министров Молдавской ССР Г. Я. Рудь вновь подтвердил позиции руководства республики по

данному вопросу. Он заявил в докладе: «Некоторые партийные и советские руководители объясняют неудовлетворительное выполнение плана хлебозаготовок объективными условиями: засухой, неурожаем. Это является серьезной, политической ошибкой...» И далее: «...Объяснение нашей неудовлетворительной работы засухой является неправильным, антигосударственным». Пленум призвал использовать все меры, вплоть до судебно-прокурорских, для неукоснительного выполнения плана хлебозаготовок к 1 ноября 1946 г.

С большими трудностями, перекосами и злоупотреблениями республика все же выполнила сниженный план хлебозаготовок. Характерно, что по правобережным районам он был недовыполнен, а по колхозам Левобережья составил 114%.

Одновременно с проведением хлебозаготовительной кампании осуществлялась реализация постановления союзного правительства об оказании зерновой помощи республике. Она была завершена с окончанием хлебозаготовок. Эта помощь предназначалась исключительно для бедняцких и наименее обеспеченных середняцких хозяйств. Распределение ссуд для сел и районов осуществлялось после выполнения ими плана хлебопоставок. Специальных дополнительных фондов не выделялось, использовались ресурсы заготовленного в республике зерна. И здесь не обошлось без злоупотреблений.

В некоторых уездах и районах допускались грубые нарушения при распределении семенной ссуды. В с. Мындрешты Кишиневского уезда 450 т семян долгое время находились на станции, а списки на выдачу семенной ссуды продолжали оставаться в канцелярских дебрях сельского Совета. Все это существенно задерживало осенний сев. Председатель Сурученского сельсовета (того же уезда) И. Лидраш вычеркнул 18 хозяйств из утвержденного в районе списка и вместо них вписал другие. Выдачу семенной ссуды умышленно задерживал, заявляя крестьянам: «Записывайтесь в колхоз, тогда я выдам вам семенную ссуду».

Тем не менее заготовленное и перераспределенное в республике зерно, несомненно, облегчило в течение нескольких месяцев положение многих сотен тысяч людей. Однако нельзя не отметить, что объем заготовок был, безусловно, завышен. Отсюда многочисленные зло-

употребления в ходе его выполнения. Сегодня трудно сказать, каким образом определялся объем хлебозаготовок. Вероятно, исходили из наличия урожая и его излишков у зажиточной части села. Все же госпоставки 1946 г. мы можем рассматривать как попытку перераспределения зерна между различными слоями деревни, хотя, учитывая сложные условия засухи 1946 г., здесь не может быть однозначной оценки.

Заготовительная акция 1946 г. иногда выдается за главную причину тяжелых последствий засухи, массового голода в республике. Для выяснения истины необходим, вероятно, более углубленный анализ происходившего. Как развивались бы события при полной отмене хлебозаготовок 1946 г.? Уже отмечалось, что большая часть сельского населения — бедняцкие и частично середняцкие хозяйства — либо совсем освобождалась от обязательных поставок, либо пользовалась определенными скидками. Не участвуя в хлебопоставках, такие хозяйства не получили бы и прямой выгоды от их отмены. В то же время кулацко-зажиточные элементы, спекулянты никогда бы добровольно хлеба не сдали, о чем свидетельствуют факты, в том числе и приведенные нами. При этом без помощи государства голод все равно был бы неизбежен.

Данное предположение нуждается в подкреплении цифровыми показателями. Как известно, в засушливом 1945 г. после заготовок в республике осталось чуть более 700 тыс. т зерна. Некоторые запасы сохранились и от прошлогоднего относительно неплохого урожая. Тем не менее, имея такой резерв и получив определенную государственную помощь, республика с большим трудом избежала массового голода среди населения. В 1946 г. был собран урожай 365 тыс. т, или в два раза меньше того количества, при котором население республики с трудом сводило концы с концами. Вполне логично предположить, что урожай первого послевоенного года не давал населению республики гарантий от голода. По самым простым подсчетам, даже при переходе к крайне лимитированному, аскетическому потреблению, собранного зерна не хватило бы до нового урожая для пропитания населения республики, не говоря уже о семенных и фуражных фондах.

Можно привести и другие примеры. В четырех из шести правобережных уездов республики (Кагульском, Бендерском, Оргеевском, Кишиневском) общий объем хлебопоставок немногим превысил 10 тыс. т и находился на уровне заготовок колхозов Левобережья. Эти же уезды, в соответствии с августовским постановлением правительства, получили зерновую ссуду, в несколько раз превышающую объемы заготовок. Так, в Бендерском уезде при объеме государственных поставок 2875 т было выдано 12 362 т ссуды. Размер продовольственной ссуды на один крестьянский двор составлял от 4 до 10 пудов с учетом нуждаемости, а многодетным семьям разрешалось выдавать и свыше 10 пудов.

Остановимся более подробно на ситуации в одном из центральных уездов республики — Кишиневском. Сравнение сложившегося здесь в рассматриваемый период положения с югом и севером Молдавии дает возможность получить относительно усредненную картину. Крестьянство уезда сдало по хлебопоставкам 4335 т вместо планировавшихся 40 тыс. т и получило по ссудам более 10 тыс. т зерна. К концу года население уезда испытывало крайнюю нужду и для его обеспечения до нового урожая по расчетам, представленным в ЦК КФ(б)М первым секретарем укома партии Н. Крайним, требовалось еще не менее 12—15 тыс. т.

Можно привести примеры зернового баланса в разрезе отдельных районов и сел уезда. Так, в Вадул-луй-Водском районе в 1946 г. было собрано 3816 т зерна. Хлебозаготовки составили 425 т (11% урожая), на сев озимых ушло 1493 т, на питание за июль — декабрь — 2050 т. Осенью район получил дополнительно на посев озимых 920 т семенной и 409 т продовольственной ссуды. Ее распределили среди 64,3% крестьян, в среднем по 17 кг на едока. Таким образом, не участвуя в заготовках и не получая государственной помощи, район мог бы обеспечить себя лишь до начала следующего года. В 1947 г. для питания населения в течение 6 месяцев требовалось 2050 т, посева яровых — 821 т. Следовательно, до нового урожая для питания населения, весеннего сева (без учета фуража) району недоставало 1694 т. Как видим, полученного в районе урожая не хватило бы, по расчетам, даже на пропитание населения. Общий же дефицит зерна составил 2598 т, или 40,5%. Что касается

подобных расчетов по отдельным селам, то, к примеру, в с. Каприяны Страшенского района при урожае 16,5 т дефицит зерна составил 126,3 т, в самих Страшенах — соответственно 87 и 310 т.

В Бельцком уезде — одном из относительно благополучных по объему полученного урожая — после хлебозаготовок, сева озимых, расходов на продовольствие и фураж к началу 1947 г., по расчетам, оставалось достаточное количество зерна. Однако эти запасы находились в основном у наиболее зажиточной и обеспеченной части крестьянских хозяйств. С целью облегчить положение бедняцко-средняцкой части крестьянства, наиболее пострадавшей от засухи, государство выделило осенью 1946 г. свыше 3 тыс. т зерна. Помощь оказывалась и в 1947 г., хотя в меньших по сравнению с другими уездами размерах.

В действиях руководителей республики в тот период явно проглядывало желание справиться с надвигающимся бедствием внутренними ресурсами. Однако их намерения не оправдались. Даже завышение объемов заготавливаемого и перераспределяемого урожая уже не могло не только выправить, но даже стабилизировать положение из-за значительного дефицита зерна. Это подтверждалось и положением с продовольствием осенью 1946 г., в октябре и тем более в ноябре. Республике требовалась срочная помощь государства. Между тем местное руководство не сумело правильно оценить создавшуюся обстановку, не поставило со всей категоричностью и четкостью вопрос о безотлагательной и действенной помощи населению Молдавии.

ГОЛОД

К концу 1946 г. положение с продовольствием заметно ухудшилось. Уже в декабре многие крестьянские хозяйства полностью использовали выделенную им ссуду, рассчитанную до января 1947 г. Неблагоприятным обстоятельством, усугубившим экономическую обстановку в республике, стало принятие в сентябре и октябре постановлений союзного правительства, предусматривавших комплекс мер в связи с сильнейшей засухой. В целях бесперебойного обеспечения населения хлебом до нового урожая было признано необходимым пойти на сокращение в расходовании государственных хлебных запасов, уменьшение контингента снабжаемого населения.

В соответствии с постановлениями в Молдавии был снижен расход хлеба по пайковому снабжению и уменьшено число получающих его по карточкам с 1 октября до 270 тыс. человек, в том числе в сельской местности — со 181 до 70 тыс. Норма выдачи хлеба по карточкам иждивенцам опустилась с 300 до 250 г в день на человека, а детям — с 400 до 300 г. Увеличилось до 40% количество примесей овсяной, ячменной и кукурузной муки в хлебопечении для всех потребителей. Принимались и другие меры.

Сократились объемы коммерческой, т. е. по ценам выше государственных, торговли хлебом и зернофуражом. Согласно августовскому решению союзного правительства, кроме зерновых ссуд республике отпускалось для продажи крестьянам до 5 тыс. т коммерческого хлеба. Однако в последующем эти фонды были резко уменьшены. Если, например, в октябре в Кишиневском уезде поступило в продажу до 1000 т коммерческого хлеба, то в ноябре — лишь 73 т, в декабре — 59 т.

Множество крестьянских хозяйств оказалось в крайне бедственном положении. Так, в Котовском сельсовете семья крестьянина Г. Папаныги из шести человек, владевшая 2 га земли и не имевшая никакого скота, получила 13 ноября 100 кг зерна. На день проверки — 13 декабря — у них оставалось 10 кг, и других продуктов не имелось. На вопрос, как семья думает жить до урожая, хозяин ответил: «Слышал, что государство даст помощь, а если не поможет — придется умирать». Его односельчанин Д. Ткач получил 7 ноября 150 кг продовольственной ссуды, на день проверки в семье оставалось 25 кг зерна.

В Бозиенах в 59 хозяйствах имелись большие дистрофией, в том числе более 50 детей. Семья Е. Кишляру, имевшая 5 га земли и состоявшая из семи человек, на деньги, вырученные от продажи последнего ковра, купила половину туши лошади и питалась бульоном и вареной кониной на протяжении двух недель, поскольку другим продовольствием не располагала. Всего в селе за ноябрь — декабрь было съедено 60 лошадей.

В с. Кацелены Бужорского района в 15 хозяйствах имелись по два-три больных дистрофией. Особенно страдали от голода дети. Директор школы А. Болдович, в частности, писала в райком партии: «В деревне господствует голод, посещение снизилось до 74%. Дети едят верхнюю корку подсолнухов, сердцевину кочанов кукурузы, желуди. Лица детей бледны, в классе случаются обмороки и рвота».

В с. Дурлешты у вдовы М. Шаталенко из пятерых детей умерли трое, в том числе двое — от истощения. Умершие дети лежали в доме три дня, так как хозяйка не имела возможности заплатить за гробики, а без них священник отказался отпевать. Из двоих оставшихся полуголодных детей у девочки четырех-пяти лет были все признаки дистрофии. От полученной продовольственной ссуды в размере 100 кг на день проверки — 14 декабря 1946 г. — в семье оставалось 40—45 кг. Сама мать выглядела в то время здоровой.

В том же селе в семье бедняка А. Букшана, состоящей из восьми человек, ребенок четырех месяцев умер от истощения, еще двоих, самых младших из оставшихся, в крайней степени истощения пришлось госпитализировать. Отец, мать и старшая дочь 12 лет выглядели здоровыми. Семья получила 100 кг продовольственной ссуды, от которой оставалось еще 30 кг. Секретарь Кишиневского укома партии

П. Волков, проводивший проверку в этом сельсовете, обратил внимание на то обстоятельство, что чаще всего дистрофией болели в семьях самые младшие дети.

Безусловно, наиболее уязвимыми во время голода были дети. К сожалению, находились родители, которые, получая продовольственную ссуду, нечестно относились к обеспечению своих детей питанием. Так, в с. Збергоч Ниспоренского района Ф. Козма, отец четверых детей, получив хлеб, обменял его на вино. В с. Болдурешты мать троих детей М. Раду продала 100 кг полученного зерна, а детей в тяжелом состоянии пришлось госпитализировать. В с. Калараш крестьянин Д. Сую получил 4 пуда хлеба, 2 из них пропил, остальное съел сам, а двое детей до семи лет в крайнем истощении оказались на больничной койке. Выявлялись и такие факты, когда взрослые члены семьи и даже родители покидали свои дома, бросая детей на произвол судьбы. Так, в с. Ивановка Бужорского района крестьянин А. Чакирка и его жена уехали, оставив пятерых детей.

Отрицательно сказалась на положении населения в некоторых районах задержка с завозом и выдачей продуктов питания. Так, в Леовский район долгое время не поступала продовольственная ссуда в размере 640 т. Лишь со второй половины ноября хлеб начал завозиться в Яргоринский пункт заготзерна и очень медленно распределялся по селам. На 19 декабря сельсоветами было выбрано всего лишь 416 т. Между тем преобладающая часть крестьянских хозяйств района остро нуждалась в хлебе для продовольственных нужд. Из 8242 крестьянских хозяйств с населением 36 922 человека без оказания продовольственной помощи до нового урожая смогли бы дожить только кулацко-зажиточные и часть середняцких хозяйств, имевшие хлеб, общим числом 879 дворов с населением 4116 человек. Неорганизованность в распределении продовольственной ссуды, резкое сокращение количества коммерческого хлеба, отпуславшегося району в ноябре—декабре, а также снятие с пайкового снабжения хлебом иждивенцев и сельской интеллигенции привели к росту заболеваемости дистрофией. На 15 декабря по всем сельсоветам района насчитывалось 3954 заболевших дистрофией. Наиболее тяжелое положение сложилось в с. Бештемак, где болели 421 человек, или 29% всех жителей, Сарацика-Ноуэ — 222 человека, или 30%, Саратены — 276, или 28%, Томай — 535, или 21%.

В Бендерском уезде, несмотря на своевременную выдачу крестьянам продовольственной ссуды, число заболевших дистрофией неуклонно увеличивалось и к середине декабря составило 13 тыс. человек. Наибольшая напряженность наблюдалась в Чимишлийском (4364 больных дистрофией) и Комратском (2603 человека) районах. В с. Топал, Ялпужены, Живгур до 80% жителей находились в крайней нужде. Ухудшилось положение также в Бендерском, Каушанском, Бульбокском, Оланештском районах, которыми был собран относительно неплохой урожай, а потому и меньше получено продовольственной ссуды. В целом по уезду возросла смертность населения. Обнаруживалось много трупов на полях, поскольку люди умирали при передвижении из одного села в другое. Появились случаи подбрасывания детей.

В Кагульском уезде значительно возросло число краж, грабежей, бандитских нападений и убийств. За последнюю декаду ноября лишь по трем районам было выявлено 111 случаев хищения скота, птицы, домашнего имущества.

Голод значительно усилил эмиграционные настроения населения. В 1946 г. на границе было задержано более 400 нарушителей, только за январь 1947 г. — 101 человек; 14 лицам удалось прорваться на территорию Румынии.

К концу года существенно сократились источники доходов сельских жителей. Если ранней осенью часть населения могла продавать в небольших количествах вино, фрукты, овощи, то с ноября эти возможности были исчерпаны. Массовым стало использование в пищу различных суррогатов, несъедобных и вредных для здоровья человека: желудей, корней дикорастущих трав, камыша и т. п. При выпечке хлеба и лепешек в муку добавлялись примеси макухи, сурепки, размолотых виноградных зерен, что служило дополнительным источником питания, хотя в ряде случаев и вызывало желудочно-кишечные заболевания. Но с наступлением холодов и снегопадов население лишилось и этих «ресурсов».

Недостаток продовольствия, голод стали причиной резкого роста заболеваемости дистрофией и смертности от нее. Бедственное положение населения в конце 1946 г. нашло отражение во множестве документов. Ограничимся лишь несколькими письмами, посланными из Кагульского уезда, наиболее пораженного засухой и голодом. Написан-

ные участниками и свидетелями событий, они являются сегодня для нас фактами суровой действительности тех лет. Вот фрагменты некоторых писем, датированных декабрем 1946 г.

Из г. Кагула: «...Жизнь... неважная, иждивенцам хлеб сбавили, а коммерческие магазины работают плохо. Часто хлеба в них совсем нет, а если бывает, то такие очереди, что его невозможно купить. В очередях дерутся и душат друг друга, люди часто сидят голодными, а руководители района никаких мер не принимают...»

Из с. Рошу: «...В этом году у нас страшный голод, хлеба достать нигде. В коммерческом магазине всем не купить, там только счастливики могут получить хлеб. Весь народ в деревне ест сено и дохлую скотину, многие от этого болеют...»

Из с. Колибаш: «...Дорогой Ваня, знаешь ли ты, как я со своими детьми голодаю, этого описать невозможно. Люди сейчас стали злые — тащат, воруют и все только из-за голода. Я не знаю, что мне делать дальше с детьми...»

Из г. Кагула: «...Сейчас живется так плохо, что лучше бы не жить и не видеть, как люди умирают от голода. Сегодня в больницу привезли 115 детей, опухших от голода, — кандидатов на смерть. По Кагулу ходят голодные и опухшие дети. К тому же в городе очень плохо с хлебом. Коммерческие магазины работают один раз в неделю, но там хлеба достать трудно, так как его могут купить только сильные. В очередях большие безобразия...»

Обеспокоенные бедственным положением людей, руководители отдельных уездов и районов настаивали на расширении срочной продовольственной помощи. Однако полную картину сложившейся ситуации по республике в целом руководство получило, исходя из имеющихся документов, лишь во второй декаде декабря, когда по требованию ЦК КП(б)М секретари всех укомов партии представили подробную информацию о положении в уездах и размерах необходимой помощи. Для ее оказания правительственных резервов было явно недостаточно. Кроме 11 тыс. коек для дистрофиков, 121 резервной тонны коммерческой муки, а также небольшого количества сухофруктов, переданных в лечебные и детские учреждения, никакими другими ресурсами республика не располагала. Стало ясно, что выйти из критической ситуации

без широкой и всесторонней поддержки государства уже не удастся. Поэтому 20, а затем 29 декабря 1946 г. правительство СССР принимает два постановления, предусматривающих помощь трудящимся республики в связи с неурожаем, в том числе выделение 24 тыс. т продовольственной ссуды. В период с января до лета 1947 г. Молдавия получала ежемесячно в среднем свыше 5 тыс. т продовольствия. С середины января началась организация пунктов питания: их было открыто свыше 680 для 122 тыс. человек. В лечебных учреждениях дополнительно к имеющимся были оборудованы еще 20 тыс. коек для больных дистрофией.

Республиканская правительственная комиссия, созданная для оперативного руководства и контроля за оказанием помощи остро нуждающемуся населению, координировала свою деятельность с чрезвычайными комиссиями уездов и районов. В задачу последних входило ведение учета больных и изыскание на местах материальных ресурсов с целью их перераспределения. В селах создавались чрезвычайные тройки. В Вулканештском районе уже 30 декабря они появились во всех сельсоветах.

Однако ни комиссии и тройки, ни партийные и советские органы не сумели оперативно и по-хозяйски распорядиться полученными от государства ресурсами. Реализация союзных постановлений тянулась преступно медленно, работа проводилась зачастую бюрократически, неумело, в значительной степени бесконтрольно. Крупные недостатки на местах в организации помощи нуждающимся не были своевременно вскрыты и устранены.

Выделенная продовольственная ссуда не поступала своевременно в районы и села. Из почти 5 тыс. т зерна, отпущенного на январь, на 20 января было выбрано менее половины, а к 1 февраля — немногим более 80%. В Котовском районе в январе было распределено 72%, в Тираспольском — 78,6% ссуды. В Леовском районе в связи с частой сменой списков нуждающихся выдача продовольственной ссуды началась с 30 января. Из положенных 23,9 т ссуды в Яргоринском сельсовете было выдано в январе всего 4,3 т, или 18%, в Филипенском сельсовете — 10,1 из 21,4 т. Район не смог организовать очистку дорог от снежных заносов для прохождения транспорта и завоза продовольствия. Вместо этого проявлялись иждивенческие настроения, строи-

лись расчеты на то, что кто-то должен организовать доставку продуктов на автомобилях или самолетах.

Серьезным упущением в проведении столь важной и ответственной работы явилось также и то обстоятельство, что распределение продовольственной ссуды непосредственно на местах было отдано фактически на откуп сельских Советов, а райкомы партии и райисполкомы свели свое участие лишь к утверждению списков. Такое халатное отношение к выполнению своего долга способствовало росту разного рода злоупотреблений. Особенно благоприятная почва для последних сложилась в правобережных районах, где исполкомы сельских Советов создавались оперативными группами, зачастую поспешно, спустя несколько дней после освобождения. Для работы в Советах нередко привлекались люди малограмотные, порой совсем неграмотные. Кроме того, в условиях жесткой административно-командной системы сельисполкомы выступали по-существу низовыми звеньями ее управления. Действовали они в крайне ограниченных рамках, любое проявление инициативы в то время сурово каралось. Как следствие, они были не способны эффективно осуществлять помощь пострадавшему населению. В этой работе повсеместно выявлялись факты грубых нарушений, а порой и преступлений.

Архивные материалы убеждают нас в том, что далеко не единичными являлись случаи, когда продовольственная помощь не доходила по прямому назначению. Вместо остро нуждающихся ссуду получали председатели, секретари сельсоветов, их родственники, иногда кулаки, которые затем спекулировали выданным им хлебом на рынке. В с. Джурджулешты Вулканештского района в списки на получение продовольственной ссуды в бедняцкую группу были занесены некоторые кулацкие хозяйства, в то же время часть бедняков, отнесенная к кулацкой группе, таким образом лишалась возможности получать ссуду. В результате не прикрепленные к питательному пункту семьи вымерли от истощения. Председатель Дрепкауцкого сельсовета Липканского района уничтожил утвержденный в райкоме партии список нуждающихся в помощи лиц и составил другой, включив в него своих родственников, не проживавших в селе. Таким же способом он распределял и коммерческий хлеб, получая лично для себя по 3—4 кг.

Секретарь Пырлицкого сельсовета Унгенского района присвоил 2 ц продовольственной ссуды, совершенно не нуждаясь в ней. В Богдановском сельсовете Романовского района в списки на получение продовольствия были включены 16 человек, в Садаклийском — 10, в Чекур-Менжирском — 6 человек зажиточных крестьян, которым помощь не требовалась. В то же время в этих селах многие семьи бедняков, не прикрепленные к питательным пунктам, умерли от истощения.

Однако встречались и такие факты, когда полученную безвозмездно продовольственную ссуду сами крестьяне продавали в обмен на землю или припрятавали, нередко и в тех случаях, когда в семьях имелись тяжело больные дистрофией. Например, в с. Тодорешты Унгенского района зажиточный крестьянин Г. Бурлаку, владевший 9 га земли, двумя коровами и 11 овцами, получил в январе-феврале по многодетности 5000 руб., в марте — продовольственную ссуду из расчета 10 кг на человека. К тому же из девяти членов семьи пятеро были прикреплены к питательному пункту. Несмотря на это, 1 марта в семье от дистрофии умерли двое детей и четверо находились в тяжелой степени истощения. Г. Бурлаку был привлечен к уголовной ответственности.

Безответственность, запущенность учета и халатность сельсоветов в распределении продовольственной ссуды встречались повсеместно. Райкомы партии и райсполкомы отчитывались о распределении продовольствия только на основании утвержденных ими списков и на этом свои функции считали выполненными. Например, в Унгенском районе в феврале 1947 г. на складах сельсоветов скопилось около 40 т зерна, выделенного в виде ссуды еще осенью 1946 г. Зачастую крестьян заставляли расписываться в получении зерна авансом, до его фактического поступления в село. Количество же выданного позднее хлеба нередко не соответствовало тому, за которое они расписались. Таким образом, невозможно было установить, кто и сколько получил ссуды. создавались условия для разбазаривания и хищения продовольствия, чему способствовало и отсутствие должной охраны зерна при перевозках и складировании. В частности, при доставке хлеба в с. Садык Баймаклийского района было похищено 130 кг, в с. Шамалия того же района — 500 кг. В Михайловском сельсовете Флорештского района со склада исчезло 318 кг, в Чучуленском — 114 кг, в с. Николаевка

Кишкареновского района — 250 кг зерна. Подобных случаев зафиксировано множество. Только в семи проверенных работниками укома партии районах оказалось расхищено и разбазарено 18 048 кг продовольственной ссуды.

Серьезными недостатками характеризовалась работа сельсоветов. Медленно и неорганизованно развертывались пункты питания. Во многих районах они были плохо обеспечены помещениями, топливом, необходимым оборудованием, в них часто не соблюдался установленный порядок получения и выдачи продуктов. Слабо налаженный учет, хранение продуктов на квартирах у заведующих пунктами создавали условия для хищений, о чем свидетельствуют факты. Так, в с. Костешты Котовского района выявилась недостача 50 кг сахара, 40 кг крупы, 25 кг мяса, в с. Лозово Страшенского района — 50 кг сахара, и т. д.

Во многих общественных столовых пища готовилась однообразной и невкусной, хотя они обеспечивались различными продуктами. При проверке в Леовском районе было обнаружено, что, кроме мяса и крупы, в котлы ничего не закладывалось. На пункте в с. Бараганы суп оказался просто теплой водой, на поверхности которой не плавало ни одной жировой звездочки. Расхищение продуктов имело место в Каларашском, Конгазском, Котюжанском, Вулканештском и других районах. При раздаче пищи на пунктах вырастали очереди, люди ожидали на морозе и, будучи плохо одетыми, часто простужались.

В некоторых районах наблюдалась тенденция завышения численности больных дистрофией с целью получения большего количества продовольствия. В Рышканском, Глодянском, Болотинском и других районах выявление больных дистрофией проводилось огульно: в списки больных в отдельных случаях включали всех, кто нуждался в продовольственной ссуде, без учета состояния их здоровья. В Глодянском районе проверка показала, что 2317 человек нельзя признать больными дистрофией. В с. Нагоряны Рышканского района медфельдшер составил списки на 1160 человек больных дистрофией. Как выяснилось при проверке, в их число вошли все, кто не получал продовольственную ссуду. В с. Михайляны того же района 200 человек были отнесены к числу больных без медицинского освидетельствования. В то же время действительно больные люди к пунктам питания не прикреплялись. Так, в с. Чера Бужорского района фельдшер и председатель сельсовета

та включили в списки остро нуждающихся 14 совершенно здоровых людей, а 14 больных вычеркнули, что имело для последних трагические последствия.

Как свидетельствуют приведенные факты, многие укомы, райкомы партии и райисполкомы не вели борьбу за сохранность продовольственных фондов и их использование по прямому назначению, не установили повсеместный партийный и общественный контроль за организацией и работой питательных пунктов, особенно за правильностью и полнотой выдачи пищи на них. Явно недооценивалось то обстоятельство, что в создавшейся ситуации вопросы распределения, борьбы с хищениями и разбазариванием продовольственных фондов приобретали исключительно важное политическое значение.

Особо следует остановиться на крайне низком уровне деятельности медицинских учреждений. Размещенные преимущественно в крестьянских домах, они зачастую не соответствовали необходимым требованиям. Остро ощущалась нехватка оборудования, белья, медикаментов. В больничных бараках Оргеевского и Вертюжанского районов вообще отсутствовали постельные принадлежности и инвентарь. Больные размещались на общих нарах, на полу, на матах и дорожках, в своей одежде. В Кагульском уезде на 6000 больных имелось 3800 простыней и полотенец, 1900 наволочек и столько же пар нательного белья.

Больные не дифференцировались по возрасту и степени заболеваемости. Взрослые и дети находились на излечении вместе. Дети старшего возраста располагались рядом с малолетками и объедали их. Двух-трехлетним детям давалась общая пища: суп, каша, хлеб. Поскольку из-за слабости малыши не могли есть хлеб, то большая его доля доставалась взрослым. Молоко детишкам не выдавалось, хотя многие из них были сильно истощены и нуждались в витаминах. Детей выписывали неокрепшими, часть из них вскоре вновь заболела и возвращалась в бараки.

В некоторых бараках положение было просто ужасающим. В с. Костешты-Гырля Котовского района в двух комнатах по 12 метров находилось 62 ребенка. Больные дистрофией, чесоткой, экземой, желудочно-кишечными заболеваниями лежали все вместе, инфицируя друг друга. По телам детей, покрытым сплошной грязной коркой, ползали вши. Пищу больные принимали прямо на кроватях, посуда после еды не мылась,

а передавалась другим больным. Не хватало витаминов, рыбьего жира, медикаментов.

В селах не проводился систематический подворный обход по выявлению и регистрации больных дистрофией. Общественные санитарные уполномоченные (на каждые 10—15 дворов) во многих сельсоветах не подбирались, а если и были, то работали плохо, поскольку ими никто повседневно не руководил. В большинстве сел больные регистрировались лишь тогда, когда они приходили в сельсовет за получением продовольственной ссуды или на питательный пункт. Подобные факты отмечались в Комратском, Каушанском, Волонтировском и некоторых других районах. В Комратском районе из-за отсутствия надлежащего учета при контрольных проверках сел выявлялось по 20—30 больных дистрофией. Госпитализация больных проходила с большим опозданием, так как сельсоветы несвоевременно предоставляли помещения, пригодные для больничных бараков.

Не было надлежащего выявления и учета умерших. В некоторых селах Комратского, Чимишлийского, Каушанского и других районов родственники не регистрировали умерших в сельсоветах и ЗАГСах, а из-за отсутствия возможностей похоронить их трупы складывали в подвалах, на чердаках и в других холодных помещениях, где они лежали по нескольку дней. Но иногда смертные случаи умышленно скрывались с целью сохранить продовольственный паек.

В Комратском районе трупы умерших вывозились на кладбище, но не предавались земле, а складывались в сторожку. 5 февраля 1947 г. там было обнаружено 20 трупов, некоторые из них из-за отсутствия охраны оказались погрызены собаками.

В республике стали отмечаться случаи людоедства. Так, при подворном обходе в с. Чимишены Комратского района в семье Ч-т, состоящей из шести человек, на чердаке было обнаружено три трупа: два детских и один мужской, у которого отсутствовала часть тела. Вдова умершего рассказала, что после смерти двоих детей от истощения муж положил их тела на чердак. Затем умер и сам, и вдова отнесла его труп туда же, боясь потерять продовольственную ссуду. Когда есть стало нечего, она вместе с детьми употребила в пищу часть тела умершего мужа.

По состоянию на конец февраля 1947 г. было отмечено свыше

40 случаев людоедства, совершенных в основном в январе. Однако, по мнению комиссий, расследовавших эти преступления, далеко не все случаи труп- и людоедства своевременно учитывались органами МВД. и зарегистрированное число не отражало действительного положения вещей. Особенно большого размаха достигло трупоедство. Так, житель хутора Александровка Живгурского сельсовета Чимишлийского района К-у вместе со своей женой за полтора месяца вырыли на кладбище и употребили в пищу 10 трупов.

Чаще всего жертвой каннибализма становились дети. В с. Чимишлия Чимишлийского района крестьянка Б-т оставила в доме двоих детей: сына трех лет и дочь семи лет — и ушла получать продовольственную ссуду. За время ее отсутствия соседка Б-н позвала к себе девочку, якобы печь коржики. Совершив зверское убийство топором, употребила в пищу в сыром виде ногу девочки. Житель с. Бешалма Конгазского района Ч-у убил семилетнюю дочь и сына пяти лет. Часть их употребил в пищу, остальное пытался продать на рынке. Во время учета сельскохозяйственного инвентаря в доме жителя с. Чекур-Менжир Романовского района К-р были найдены окровавленная одежда малолетнего ребенка, человеческие кости и нож со следами крови. В ходе следствия установлено, что убийца зарезал своего сына Ивана 12 лет, двух соседских детей 12 и 15 лет и употребил их в пищу.

Еще ужаснее, когда каннибализмом занимались сами дети. В с. Петушки Каларашского района Б-у посоветовал восьмилетнему племяннику Николаю зарезать своего девятимесячного брата, сварить его и съесть. Когда мать ушла, мальчик отрезал брату ножом голову, расчленил его на части, сварил в котле и съел вместе с трехлетней сестрой, оставив часть своему дяде. Но в отсутствие Николая его сестра доела все, что еще оставалось. В с. Каракуй Котовского района трое детей: одиннадцати, восьми и пяти лет — убили свою двухлетнюю сестру. Расчленив ее, верхние и нижние конечности, внутренние органы (сердце, легкие, печень), мягкие части головы сварили в чугу-не и употребили в пищу. Кости бросили в печь.

Голод стал трагедией сотен тысяч людей. Он причинил трудящимся республики неслыханные мучения. Десятки документов той поры дают возможность увидеть картину невероятных человеческих страда-

ний. Одним из таких свидетельств является и докладная бывшего в то время министром технических культур республики В. Шнырева о положении в Конгазском районе, направленная в адрес первого секретаря ЦК КП(б)М Н. Г. Коваля и председателя Совета Министров Молдавской ССР Г. Я. Рудя. В этом пространном и весьма эмоциональном документе дается подробное описание ситуации, сложившейся в наиболее пострадавшем от голода районе республики, и делается попытка выяснить причины случившегося. Хотя обстановку в данном районе нельзя назвать типичной для всей республики, факты, зафиксированные в докладной, расширяют наши представления о масштабе народных бедствий в период голода.

Прибыв в район в начале февраля 1947 г., В. Шнырев обнаруживает, что все обстоит гораздо сложнее, чем это представлялось в столице и было отражено в сведениях, которыми располагали ЦК КП(б)М и Совет Министров республики. Наиболее трагическая ситуация наблюдалась в гагаузских селах, бóльшей части жителей которых требовались особые лечебно-санитарные меры и срочная продовольственная помощь, без чего, по мнению В. Шнырева, было бы трудно прекратить высокую смертность местного населения.

Вот как он описывает увиденное: «На пути от Чадыр-Лунги до Конгаза валялись трупы, которые находились неподобранными продолжительное время. В первом селе, где я остановился — Баурчи — крупный населенный пункт, — сплошное безмолвие, людей на улицах и во дворах не видно, подъезды и проходы засыпаны снегом. В центре села сельсовет, его крыльцо и помещение забиты опухшими старушками и детьми. Некоторые из них в полуобморочном состоянии. Рядом питательный пункт. Возле окна выдачи — свалка и нечеловеческие вопли. Это пока был единственный пункт, остальные еще не открылись.

В сельсовете мне доложили обстановку. В ночь перед моим приездом выявлено четыре жутких факта убийства и людоедства. Поедание трупов приняло массовый характер, причем это сопровождалось чудовищной религиозной пропагандой (умирающие старухи просят своих детей и внучат, чтобы съели их трупы, проповедуя им сохранение жизни, прощение грехов и спасение). Отмечены факты воровства трупов, свезенных, но не захороненных на кладбище.

Точных данных о состоянии населения сельсовет не имел. Доложили, что за прошедший день умерло 26 человек. Предложил немедленно провести подворный обход. В первой половине дня при обходе выявлено 73 трупа. Большинство трупов было спрятано в сараях, погребках, на чердаках, в сугробах снега. У значительной части трупов обрезаны мякоть и конечности. Этот же обход дал возможность собрать более ста детей-сирот, находившихся в холодных помещениях, без надзора, в полуобморочном состоянии. После проверки и медицинского осмотра было выявлено больных дистрофией 1345 человек. Смертность за первую неделю февраля составила 93 человека».

В следующем крупном гагаузском селе Бешалма В. Шнырев застал аналогичное положение. Лишь в день его приезда начали работать питательный пункт на 240 человек и два небольших госпиталя-барака для детей, больных дистрофией. Составление списков на получение продовольственной ссуды еще не было закончено, а следовательно, подвоз продовольствия не осуществлялся. Бараки для больных оказались не оборудованными, пища готовилась скверная, отсутствовали необходимые медикаменты.

Здания питательного пункта и сельсовета окружили изможденные и голодные люди, которые не давали прохода работникам сельсовета, ловили их за ноги, полы одежды и просили о помощи. Чувствовались всеобщая растерянность и беспомощность. Требовались срочные меры. Немедленно были посланы подводы за продовольствием. К вечеру того же дня в селе открылись еще два пункта питания, а также дополнительный барак для больных дистрофией, разрешились и некоторые другие неотложные вопросы.

Автор докладной видит причины создавшегося положения прежде всего в том, что руководители района до последнего времени не знали действительного положения и размеров бедствия. Отсюда неправильное и неполное информирование Совета Министров МССР и ЦК КП(б)М и, как следствие, недостаточность и малоэффективность мер, принятых со стороны республиканских властей. Кроме того, оказываемая помощь очень и очень медленно доходила до села. Здесь, по мнению автора, «проявились все возмутительные пороки бюрократизма», начиная с республиканских организаций (Заготзерно, Молдавпотребсоюз, министерства торговли, здравоохранения и просвещения) до

сельсоветов. С большим возмущением В. Шнырев приводит примеры бюрократических игр с составлением списков и доставкой продовольственной ссуды в указанных селах. Там составили списки в трех экземплярах и начали вызывать людей в сельсовет для росписи. По завершении этой процедуры выяснилось, что списки признаны негодными, поскольку подготовлены не по форме. Когда поступили стандартные бланки, все пришлось начинать заново. Наконец поехали за хлебом, но теперь уже доверенность оказалась недействительной. Требовались, кроме росписей на обязательствах, еще росписи на доверенности и т. д.

Склады Заготзерна не подготовились должным образом к работе, создав тем самым длительные задержки на пунктах. На станции Чадыр-Лунга, где скопилось большое количество зерна, склады были занесены снегом, отсутствовали подъезды к ним. В результате подводы простаивали сутками. Продовольствие и товары (белье, медикаменты, рыбий жир и др.) завозились, как правило, на уездные и межрайонные базы, что затрудняло их доставку в села.

Связь между селами и центром практически не действовала. Из Конгазского и Чадыр-Лунгского районов до Кишинева приходилось добираться трое суток. Все это, безусловно, замедляло оперативное решение вопросов. Вместе с тем многое можно было сделать на месте, приняв действенные меры по оказанию помощи пострадавшему населению. Однако местное руководство проявляло безынициативность, пассивность в критической ситуации, создавшейся в районе. За серьезные ошибки в работе по оказанию продовольственной помощи населению бюро ЦК КП(б)М 1 февраля 1947 г. освободило председателя Конгазского райисполкома И. Тодорова от занимаемой должности. Но и после этого положение не изменилось. Аппарат райисполкома в отсутствие нового председателя по-прежнему не занимался продовольственными вопросами. В райкоме партии в тот период находился лишь первый секретарь, остальные болели. Руководство района, лишенное средств передвижения, неделями не посещало села. Актив района, слабый и малочисленный, не был мобилизован на борьбу с голодом.

Поскольку партийные и советские органы республики не сразу осознали опасность угрозы дистрофии и проявили непростительную медлительность в столь сложной ситуации, это заболевание стало рас-

пространяться повсеместно, охватывая, хотя и в неравной мере, все районы Молдавии. Дистрофия (алиментарная, или голодная, болезнь) развивается в результате недостаточного поступления питательных веществ (особенно полноценного белка) в организм человека, т. е. голодания. Термин «алиментарная дистрофия» был предложен врачами, работавшими в Ленинграде во время блокады 1941—1942 гг. Усугубляющими факторами в развитии болезни являются холод, физическое и нервное напряжение, инфекционные заболевания. Встречаются две формы дистрофии: сухая и отечная. В первом случае быстро прогрессирует похудание, во втором — на фоне истощения постепенно развиваются отеки всего тела. По тяжести заболевания различаются три степени. Во многих случаях третья степень болезни представляет собой необратимое состояние и ведет к смерти. Особенно тяжело дистрофия протекает у стариков и детей, женщины более устойчивы, чем мужчины. Общая картина заболевания определяется тяжестью и продолжительностью того бедствия, которое явилось причиной дефицита в питании. Статистика болезни характеризует ее распространенность лишь в конкретных условиях.

Ситуация осложнялась глубокой дестабилизацией санитарно-эпидемической обстановки в республике в результате последствий войны и фашистской оккупации. В 1945 г. на Молдавию приходилось более половины всех зарегистрированных в стране больных возвратным тифом. С момента освобождения до октября 1946 г. только тифом и малярией переболело около 400 тыс. жителей республики. Огромное количество людей пострадало от различных социальных заболеваний, вызванных длительным голоданием. Здоровье населения было жестоко подорвано, имелись серьезные демографические потери. По подсчетам П. М. Шорникова, смертность от болезней среди населения республики со времени освобождения от оккупации до начала голода 1946—1947 гг. составила не менее 90 тыс. человек. Все это не могло не отразиться на физическом состоянии людей во время голода, на заболеваемости дистрофией и смертности от нее. Вместе с тем осуществленная после войны большая противоэпидемическая работа, хотя и осложнявшаяся ошибками и срывами в функционировании органов здравоохранения, государственного и хозяйственного управления рес-

Показатели смертности населения
Молдавской ССР

	1946 г.	1947 г.
январь	4466	19 133
февраль	4347	23 791
март	5033	25 953
апрель	4588	15 034
май	3782	14 398
июнь	3676	24 761
июль	5236	16 418
август	5313	8346
сентябрь	4544	5248
октябрь	5799	4236
ноябрь	5753	—
декабрь	9650	—

Примечание. В декабре 1945 г. смертность населения в республике составила 4786 человек.

варьировал: если в Кагульском уезде он достигал 27,3%, в Бендерском — 14,8%, то в Бельцком не превышал 3,5%, в Сорокском — 2,9%, в левобережных районах — 2,3%. Почти половину всего количества больных составляли дети до 14 лет. Значительным был также удельный вес людей преклонного возраста. Уровню заболеваемости дистрофией соответствовала и динамика летального исхода от нее. Максимальный уровень смертности наблюдался в январе и феврале, когда ежедневно от голода и дистрофии умирали 300—400 человек, а также в марте и июне. Смертность от дистрофии в республике отличалась резким разбросом показателей по уездам и районам. Разница по отдельным районам юга и севера Молдавии доходила порой до 100 раз.

Всего дистрофией, по официальным данным Министерства здравоохранения Молдавской ССР, переболели 389 тыс. человек, или около 1/5 населения республики; при этом 116 тыс. человек (свыше трети выявленных больных) были госпитализированы.

Что касается статистики о смертности населения от дистрофии, то, на наш взгляд, она не соответствовала действительности. Естественно, произвести точный, абсолютный подсчет людских потерь от голода в то время было очень сложно. Общая смертность за период с декабря

публики, несомненно, предотвратила еще более тяжелые последствия голода.

Массовая дистрофия в республике началась с ноября 1946 г., когда заболели 30 тыс. человек, хотя отдельные случаи отмечались и ранее. Пик заболеваемости пришелся на январь-февраль, когда число заболевших превысило 100 тыс. в месяц. Максимальное же количество больных было зарегистрировано в феврале: свыше 200 тыс. человек, или около 10% всего населения республики. Однако этот показатель значительно

1946 до конца лета 1947 г. по сравнению с тем же периодом предыдущего года выросла более чем на 100 тыс. человек.

В разгар массовой дистрофии в январе—феврале 1947 г. свыше половины всех смертей происходило от пищевого истощения и других болезней, которые в определенной мере можно считать следствием той же дистрофии. Пищевое истощение резко усугубляло течение туберкулеза, воспаления легких, дизентерии и еще целого ряда болезней, которые и являлись непосредственной причиной смертельного исхода. Регистрация комбинированного диагноза смерти — дистрофии и сопутствующих болезней — вызывала определенную путаницу в учете.

Весной 1947 г. удельный вес смертности населения от дистрофии существенно снизился. Но в это время вспыхивают эпидемические заболевания, давшие значительный рост летальности. Органы здравоохранения, направив усилия на ликвидацию дистрофии, ослабили внимание к борьбе с острозаразными болезнями. Сыграли свою роль и антисанитарное состояние жилищ, нехватка коек в больницах, изоляторов, бань, предметов личной гигиены и пр. Так, в первом квартале 1947 г. торговая сеть республики продала мыла по 65 г на человека.

Потери населения от дистрофии и болезней, являющихся в какой-то мере ее следствием, составили, по нашим расчетам, приблизительно 70—80 тыс. человек, или свыше 3% всего населения. Сюда не вошли жители республики, выезжавшие в поисках продуктов за ее пределы, в частности в Ивано-Франковскую, Черновицкую и Львовскую области, и умиравшие там. В движении находились 5—6 тыс. человек ежедневно, часть из них находили смерть в дороге.

ВЫХОД ИЗ ГОЛОДНОГО КРИЗИСА

Сложившаяся ситуация потребовала от Советского правительства принятия срочных мер. В феврале 1947 г. в республику прибыли кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), заместитель Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, ответственные работники Совета Министров СССР А. К. Горчаков, Л. Г. Карпов, заместитель министра здравоохранения СССР А. Я. Кузнецов, представители Министерства торговли СССР В. К. Павлюков, Главного управления по делам промышленной и потребительской кооперации при Совете Министров СССР К. М. Рыбаков и др. Они приняли участие в заседаниях Бюро ЦК КП(б) Молдавии 24 и 27 февраля, на которых состоялся крутой, неллицеприятный разговор. Деятельность руководящих органов республики была оценена как неудовлетворительная. Назывались, в частности, крупные недостатки и серьезные ошибки, допущенные ЦК КП(б) Молдавии (первый секретарь Н. Г. Коваль) и Совета Министров МССР (председатель Г. Я. Рудь) в организации помощи продовольствием нуждающемуся населению. В решении Бюро отмечено, что ЦК КП(б)М, уже располагая многочисленными сигналами о заболевании дистрофией, не посчитал борьбу с голодом главной своей задачей. Даже после того, как дистрофия в республике приняла массовый характер, Бюро ЦК Компартии Молдавии и Совет Министров МССР не нашли иного пути, кроме создания республиканской комиссии и подобных же бесплодных образований в уездах, районах и сельских Советах. Нечего и говорить о том, что они не могли оказать реального воздействия на улучшение обстановки. Партийное руководство на местах зачастую не принимало непосредственного участия ни в работе таких комиссий, ни в ликвидации дистрофии и оказании помощи на-

селению. Постановлением ЦК КП(б)М в конце февраля эти комиссии были расформированы.

Глубокий анализ сложившегося положения позволил принять конкретные меры, предусматривавшие оказание оперативной помощи нуждающемуся населению по каждому уезду в отдельности с учетом дополнительных ресурсов, выделенных государством. Несмотря на крайне ограниченные продовольственные возможности страны в связи с засухой, охватившей многие регионы страны, в кратчайшие сроки были изысканы и мобилизованы значительные для того времени государственные фонды и средства. Используя предоставленные полномочия, А. Н. Косыгин определял необходимые объемы и источники ресурсов, географию их поставок в республику, решал другие вопросы. Принятые им меры нашли отражение в постановлении союзного правительства от 27 февраля.

Увеличились объемы продовольственной помощи голодающим. Уже в феврале продукты питания получали 1,2 млн. человек, т. е. свыше половины населения республики. Основное внимание уделялось южным районам, наиболее пострадавшим от засухи. В Кагульском уезде ссуда была выдана 85,9% крестьянских хозяйств, в Бендерском — 82,9%. В северных районах, где обеспеченность продовольствием была несколько лучше, она составляла 40,9% в Бельцком уезде, 34,7% — в Сорокском. В дополнение к ранее выделенным ресурсам на март-май было отпущено еще свыше 11 тыс. т муки. С марта нормы выдачи продовольственной ссуды увеличиваются почти вдвое, дифференцируясь в зависимости от потребности и наличия продуктивного скота. Кроме того, остро нуждающимся в Кагульском, Бендерском и Кишиневском уездах было дополнительно выделено 576 т продуктов. Многие семьи помимо продовольственной ссуды получали и денежную помощь. В Кагульском уезде она составила 290 тыс. руб.

Как уже указывалось, к февралю в республике действовали 680 пунктов с охватом 122 тыс. человек. Вследствие тяжелого положения, создавшегося среди значительной части населения Кагульского уезда, только здесь число питательных пунктов пришлось увеличить с 76 до 110, что дало возможность в полтора раза поднять их пропускную способность. Соответственно возрос и расход продовольствия. В Бельцком уезде открылись 36 питательных пунктов, обслуживающих 6000

голодающих. Здесь же, помимо положенной нормы, дополнительно отпускался и коммерческий хлеб из расчета 200 г на человека. В январе расход коммерческого хлеба на питательных пунктах составил 18 т, в феврале — 42,2 т. Реализация этого хлеба в селах уезда по линии торговли в январе достигла 110,1 т, в феврале — 178,2 т. Кроме того, по инициативе потребкооперации в январе были организованы 44 закусочных и 14 чайных, в которых население могло приобрести продукты, в том числе и коммерческий хлеб. В 116 сельских школах выдавались горячие завтраки на 16 760 учащихся, на что ушло в январе 23,6 т хлеба, в феврале — 44,2 т.

С марта сеть пунктов питания республики перевалила за тысячу и обслуживала 200 тыс. человек. Для этого были дополнительно отпущены 2928 т муки, 869 т крупы, 498 т мяса, 332 т сахара, почти 1 тыс. т сушеного картофеля (или 10 тыс. т в переводе на свежий) и другие продукты. Тогда же поднялись суточные нормы питания, вдвое возросла его калорийность.

Среди вновь организованных пунктов 100 (на 20 тыс. человек) были открыты в Кагульском и 157 (на 11,5 тыс. человек) — в Бендерском уезде. В Кишиневе с 4 марта начали действовать 30 пунктов питания на 6 тыс. человек, в том числе в Ленинском районе — 12 пунктов на 2400 человек, Сталинском — 7 на 1400 человек и Красноармейском — 11 на 2200 человек.

К сумме расходов на лечение больных и оказание им помощи продовольствием, превышающей 90 млн. руб., было дополнительно отпущено еще 30 млн. руб. Весной функционировало около 570 временных барачных пунктов для больных дистрофией, что позволило вдвое (до 40 тыс.) увеличить число коек. Для работы в сельских врачебных участках из Кишинева прибыли около 100 врачей и свыше 400 студентов и учащихся старших курсов медицинского института и фельдшерской школы, а также более 300 медиков из других городов страны. В марте и в Кишиневе разворачиваются 500 коек для госпитализации больных дистрофией. На 5 марта в городе было зарегистрировано более 10 тыс. больных, в том числе в Ленинском районе — 3350 человек. Однако уже в мае вследствие снижения уровня заболеваемости в республике количество мест для больных дистрофией сокращается до 30 тыс., а с июня временные бараки ликвидируются при одновремен-

ном увеличении на 10 тыс. числа мест в стационарных лечебных учреждениях. В этот же период почти вдвое (на 10 тыс.) расширилась сеть специальных учреждений для детей, оставшихся без родителей. В сельских школах наиболее пострадавших районов учащиеся получали горячие завтраки. В первой половине 1947 г. ими обеспечивалось 84 тыс. школьников.

Для ускорения реализации намеченных мероприятий, помощи населению в районы республики выехали 150 ответственных работников ЦК КП(б) Молдавии, Совета Министров МССР, ряда министерств. Все члены Бюро ЦК были закреплены за уездами. В феврале командировано, по преимуществу непосредственно в села, в общей сложности 238 человек. На местах проводилась большая работа по выявлению больных дистрофией и оказанию им необходимой помощи. В селах создавались бригады, которые совершали ежедневные подворные обходы, уточняли материальное состояние каждой семьи, оказывали помощь в госпитализации больных, следили за состоянием их здоровья, помогали в наведении порядка в пунктах питания, бараках и больницах.

Так, в селах Бужорского района в подворном обходе участвовали 41 человек из состава советского и партийного актива, 752 санитарных уполномоченных из сельского актива, а также весь медицинский персонал района. Благодаря повседневному контролю со стороны райкома партии и райисполкома эффективно работали питательные пункты Унгенского района. Неплохо оборудованные, расположенные в помещениях, вполне соответствующих их назначению, они бесперебойно обеспечивали население необходимыми продуктами питания по существующим нормам. На пунктах имелся твердый распорядок работы, на видном месте каждый день вывешивались меню с указанием норм отпуска пищи. При закладке продуктов в котел обязательно присутствовали медицинские работники, члены сельского Совета и ревизионной комиссии сельпо. Кроме отпускаемых пайковых продуктов в районе были изысканы для усиления питания населения на питательных пунктах 6 т картофеля и ряд других продуктов, при них же организована дополнительная продажа питающимся по 200 г коммерческого хлеба. Неплохо эта работа была поставлена также в Фалешт-

ском, Рышканском, Сынжеренском, Глодянском и некоторых других районах.

Определенную помощь партийным и советским органам в быстрой ликвидации последствий засухи, в борьбе с дистрофией среди населения, в подготовке к весеннему севу оказывал комсомол республики. По инициативе комсомольских организаций на пунктах питания, железнодорожных станциях, погрузочных и разгрузочных площадках создавались посты, в задачу которых входили повседневный контроль за доставкой на место и сохранностью зерна и продуктов питания, борьба со всякого рода злоупотреблениями и жульническими махинациями, направленными на ущемление интересов нуждающегося населения.

По данным только четырех уездов (Бендерского, Кишиневского, Оргеевского, Сорокского), на питательных пунктах действовало 644 комсомольских контрольных поста. Их члены вскрывали множество случаев воровства и разбазаривания продуктов питания. По отдельным фактам виновные привлекались к уголовной ответственности. В целях своевременной и сохранной доставки продовольственной и семенной ссуды в ряде районов республики создавались комсомольские транспортные бригады из честных и проверенных молодых людей. В Кишиневском уезде 232 комсомольца работали на перевозке зерна и продовольствия. В Киперченском районе таких бригад насчитывалось 11, Сусленском — 8, Криулянском — 5. В этих бригадах не зафиксировано ни одного случая хищения либо недостачи продуктов или зерна.

На Кишиневской железной дороге сложилось крайне тяжелое положение с обеспечением своевременного продвижения зерна, продовольственных грузов, выделенных союзным правительством для остро нуждающегося населения Молдавии, а также посевных материалов. На станциях Кишинев, Бендеры, Бельцы вагоны подолгу задерживались, крайне медленно проходила их выгрузка, часть продовольственных и семенных грузов отправлялась без документов. Это приводило к простоям вагонов, постоянным срывам в доставке на места. И здесь свое веское слово сказал комсомол. На железной дороге, по неполным данным, было организовано 23 комсомольских поста, в том числе 7 — на Кишиневском узле. Посты вскрывали много фактов задержки вагонов, выявляли и предотвращали случаи воровства зерна на пристанционных пунктах Заготзерна.

Трудно переоценить роль комсомольских организаций по выявлению больных дистрофией и оказанию им необходимой помощи. Члены сельских комсомольских бригад осуществляли ежедневные подворные обходы, проверяли положение каждой семьи, содействовали госпитализации больных дистрофией, наводили порядок в больницах и бараках. Бригады взяли на вооружение опыт ленинградских комсомольцев в дни блокады города. Они помогали больным в выполнении различных домашних работ: убирали помещения, заготавливали дрова, топили печи, подносили воду, готовили пищу, ходили за хлебом и продуктами. К этой работе широко привлекались пионеры и школьники.

В Бельцком уезде свыше 800 комсомольцев участвовали в подворных обходах. Они обслуживали больницы и бараки, организовали сбор посуды, заготовили 412 кубометров дров для медицинских учреждений, установили там постоянные дежурства. Члены двух организованных в с. Требужены Сусленского района комсомольско-молодежных бригад ежедневно обходили больных, оказывали им помощь, выполняя всю черновую работу по дому. Они обеспечили топливом шесть семей (по два воза дров на каждую). Комсомольцы с. Киштельница Киперченского района привезли больным 15 возов дров. Комсомольцы и молодежь Ниспоренского района заготовили для питательных пунктов 93 воза, для больниц — 41 и для больных дистрофией — 52 воза дров. Комсомольская бригада А. Романова из с. Семеновка Волонтировского района на своем участке обнаружила девять больных, не состоящих на учете. Пятеро из них были госпитализированы, четверых включили в списки на получение пищи на пункте. Члены бригады приносили питание с пункта пяти крестьянским семьям и двум инвалидам.

Многие комсомольские организации республики активно включились в работу по оказанию помощи вновь открываемым детским домам. Всего силами комсомольцев и молодежи республики было собрано и изготовлено более 2300 топчанов, кроватей и табуретов, 5 тыс. комплектов одежды и обуви, 4500 единиц различной посуды. На счету комсомольских организаций Бендерского уезда — сбор для этих учреждений свыше 2 тыс. комплектов посуды, изготовление 1200 единиц твердого инвентаря, участие в ремонте и оборудовании помещений. Комсомольцы Министерства гражданско-жилищного строительства от-

ремонтировали 11 детских домов Кишиневского уезда, один из них оборудовали необходимым твердым инвентарем: табуретками (100 штук), столами (20), вешалками (10), различной посудой (150 единиц). Ряду комсомольских организаций принадлежит инициатива пошива обуви и одежды для воспитанников детских домов. Артели им. Г. И. Котовского и «Октябрь» г. Оргеева во внерабочее время пошили 100 пар обуви и одежды; силами коопинсоюза, уездпромсоюза, гор-и райпромкомбината г. Бельцы сшито более 150 пар детской обуви и комплектов одежды.

Комсомольцами, пионерами и школьниками Кишинева, Тирасполя, Бельц, Бендер, Оргеева проводился сбор художественной литературы для новых детских домов. Только в Кишиневе было собрано более 10 тыс. книг. ЦК ЛКСМ Молдавии для укрепления кадров детских домов направил на работу воспитателями 150 лучших комсомольцев. ЦК ВЛКСМ выделил для детей-сирот 400 тыс. руб., а также направил 70 библиотечек, 2500 галстуков, по 50 барабанов, пионерских знамен, горнов.

Проделанная в республике работа не могла не дать положительных результатов. В марте заболеваемость дистрофией уменьшилась более чем вдвое, а в последующие месяцы резко пошла на убыль, сойдя практически на «нет» в мае. Однако в начале июня ситуация вновь обострилась. Крестьяне перестали получать продовольственную ссуду, рассчитанную лишь по май включительно, и дополнительное питание на пунктах, что заметно осложнило ситуацию с продовольствием в республике.

В связи с нехваткой продуктов питания появилось множество случаев отравления травами, которые население стало употреблять в пищу. По неполным данным, зарегистрировано более 300 таких отравлений, обошедшихся, к счастью, без смертельных исходов. Министерство здравоохранения республики было вынуждено в целях профилактики принять срочные меры: издало и распространило листовку «Полезные и вредные травы Молдавии», проводило соответствующую разъяснительную работу, обеспечивало медикаментами, необходимыми для лечения отравлений. При массовых отравлениях или особой опасности высылались самолеты санитарной авиации с консультантами.

Правительство предприняло попытку покрыть продовольственный дефицит в июне за счет фондов, сэкономленных в апреле и мае. Однако эти действия не дали результатов. Положение выравнивалось лишь после выделения республике дополнительной продовольственной ссуды в количестве 5500 т муки, 500 т зерна и др.

Здесь уместно подчеркнуть следующее. В первые послевоенные годы, как мы уже говорили, голод поразил не только Молдавию, но и другие регионы страны, пострадавшие от засухи. К ним относятся большинство районов Украины, областей Центрального Черноземья, Нижнего Поволжья, Приморского края. Часть населения этих районов также страдала от дистрофии. Ясно, что средствами, позволяющими быстро и полностью удовлетворить потребности голодающего населения, государство не располагало. Главной причиной был, конечно, упадок послевоенного народного хозяйства. В период войны государственные хлебные ресурсы значительно истощились. В первый послевоенный год общий сбор зерновых составил в целом по стране всего 39,6 млн. т, что в 2,4 раза ниже, чем в 1940 г., и на 7,7 млн. т меньше, чем в 1945 г. Никогда еще в стране, за исключением 1942 и 1943 гг., когда значительная территория европейской части страны находилась под пятой оккупантов, не получали столь мало зерновых.

Нелегко приходилось населению всей страны, жителям больших и малых городов. Об этом свидетельствуют и воспоминания о Москве тех лет народной артистки СССР Н. В. Мордюковой в автобиографической книге «Вот так и живем»: «...Да, первые послевоенные годы были ужасно тяжелые. Нам давали рабочую карточку. Хлеб весь тут же, в магазине съедали до крошечки, а то и наперед брали... Но вскоре стали худеть, голодать — еще только кончался 1946 год».

Положение сельских тружеников в районах, не попавших в зону засухи, тоже нельзя назвать легким. Административными методами здесь были сильно увеличены нормы сдачи хлеба в государственный фонд, повышены планы заготовок, натуроплаты МТС, проводилась тщательная проверка имевшегося зерна, семенного и фуражного фондов колхозов и личных хозяйств колхозников, практически все подчистую сдавалось государству. Тогда в стране сдавались в хлебозаготовки не только излишки, но и существенная часть необходимого продукта, в том числе подлежащая распределению на трудодни. Такая

заготовительная политика диктовалась сложившейся ситуацией и была в начительной мере вынужденной. Запланированную в 1946 г. отмену карточной системы пришлось перенести на следующий год. В то же время, несмотря на крайне сложную продовольственную ситуацию в стране, в 1946 г. за рубеж вывозится 1,7 млн. т зерна, в основном для оказания помощи народам Восточной Европы, в том числе Румынии — 500 тыс. т зерна и 32 тыс. т картофеля. Конечно, необходимость интернациональной помощи нельзя отрицать, но осуществлять ее за счет пренебрежения к своему народу аморально.

Значительная помощь была оказана 40 областям РСФСР, пяти союзным республикам и пяти автономным областям, пострадавшим от засухи. Широкая и многогранная помощь государства, всех народов нашей страны спасла тысячи крестьян от голода и вымирания, а их хозяйства — от разорения. Большое место в системе мер по ликвидации последствий засухи занимала производственная помощь крестьянству, в первую очередь семенной ссудой. Молдавия получала семена из Хабаровского, Ставропольского и Краснодарского краев России, Одесской, Днепропетровской, Запорожской областей Украины, других республик. Всего с осени 1945 по осень 1947 г. в республику поступило свыше 150 тыс. т семенной ссуды, в том числе под урожай 1947 г. — 96,5 тыс. т. Этими семенами осенью 1946 и весной 1947 г. было засеяно до 70% посевной площади республики.

Советское правительство оказывало республике значительную помощь в восстановлении животноводства. Для спасения скота в зимний период 1946—1947 гг. из других союзных республик в Молдавию поступило 39 тыс. т комбикормов и сена, 13,7 тыс. т зернофуражной ссуды. Бедняцкие крестьянские хозяйства в 1945—1947 гг. получили 10,5 млн. руб. государственного кредита для приобретения скота.

Летом 1947 г. наиболее тяжелые последствия засухи в Молдавии были преодолены. Необходимость в чрезвычайных мерах помощи отпала. Весной крестьянство республики, получив помощь семенами, организовано провело посевную кампанию, несмотря на сложную обстановку. Осенью был собран относительно неплохой урожай: в четыре раза больший, чем в 1946 г. Урожайность зерновых практически достигла довоенного уровня. Однако, учитывая экономические и социальные последствия засухи, государство не увеличило республике

размер хлебозаготовок в первый год после голода. В 1947 г. объем заготовок оставался практически на уровне предыдущего года и составил лишь 5% от урожая почти 1,5 млн. т.

Таким образом, последствия небывалой засухи, неурожая, войны и оккупации, обусловившие дальнейшую деградацию сельского хозяйства и значительное сокращение объема производства продовольствия, несостоятельность всех звеньев партийно-государственного руководства в республике явились главными виновниками голода, невероятных человеческих страданий, массовой гибели населения, вписав одну из самых трагических страниц в послевоенную историю Советской Молдавии.

Научно-популярное издание

Бомешко Борис Григорьевич

**ЗАСУХА
И ГОЛОД
В МОЛДАВИИ
1946—1947 гг.**

Редактор *Р. Г. Еваленко*

Художник *А. К. Георгиевский*

Художественный редактор *И. А. Ростова*

Технический редактор *В. В. Марин*

Корректоры *А. В. Сушкевич, А. Л. Меламед*

ИБ № 4417

Сдано в набор 04.06.90.
Подписано в печать 20.07.90. АБ05098.
Печать высокая. Формат 70×108 1/32.
Бумага книжно-журн. Усл. печ. л. 2,45.
Усл. кр.-отт. 2,63. Уч.-изд. л. 2,83.
Тираж 1125. Заказ 238. Цена 10 к.

Издательство «Штиинца».
277028. Кишинев, ул. Академика Я. С. Гросула, 3
Типография издательства «Штиинца».
277004. Кишинев, ул. Берзарина, 8

**ВЫХОДИТ В СВЕТ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ШТИНЦА»
В 1991 ГОДУ**

Левит И. Э. СОВЕТСКО-РУМЫНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ · В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ (От Великой Октябрьской социалистической революции до Парижской мирной конференции. 1917—1919 гг.). На русском языке. 25 л. Цена 5 р. 30 к.

В монографии на основе архивных и опубликованных документов, материалов советской и зарубежной прессы, исторической и мемуарной литературы, дневниковых записей политических и военных деятелей рассматриваются позиция правящих кругов Румынии в отношении «Декрета о мире», зарождение и развитие советско-румынского конфликта, история заключения советско-румынского соглашения 5—9 марта 1918 г. Раскрываются позиция правительств европейских держав и США в советско-румынском конфликте, способы использования ими вопроса о Бессарабии для претворения в жизнь своих планов и интересов. Специальный раздел посвящен обсуждению бессарабского вопроса на Парижской мирной конференции.

Монография предназначена для научных работников и преподавателей истории, студентов, специалистов-международников, всех интересующихся историей внешней политики СССР и международных отношений.

*Заказы просим направлять по адресам:
277012. Кишинев, пр. Ленина, 148, «Академкнига»
277012. Кишинев, ул. Фрунзе, 65, «Книга — почтой»*

2000

~~10 к.~~

Кишинев „Штиинца“ 1990